СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ XC, № 3.

ПАМЯТИ

АКАДЕМИКА

Якова Карловича Грота

(род. 15 декабря 1812 г., скончъ. 24 мая 1893 г.)

Торжественное чествованіе 100-лѣтней годовщины его рожденія Императорской Академіей Наукъ 16 декабря 1912 года.

РѢЧИ АКАДЕМИКА А. А. ШАХМАТОВА, ПРОФЕССОРА Е. В. ПѢТУХОВА И П. О. МОРОЗОВА.
ВОСПОМИНАНІЯ АКАДЕМИКА И. В. ЯГИЧА И ПОЧЕТНАГО АКАДЕМИКА А. Ѳ. КОНИ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1913.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Апрѣль 1913 г.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *С. Ольденбургъ*.

СОДЕРЖАНІЕ.

Вступительное слово академика *А. А. Шахматова* 1

Очеркъ научной и литературной дѣятельности Я. К. Грота. *Е. В. Пѣтухова*. 3

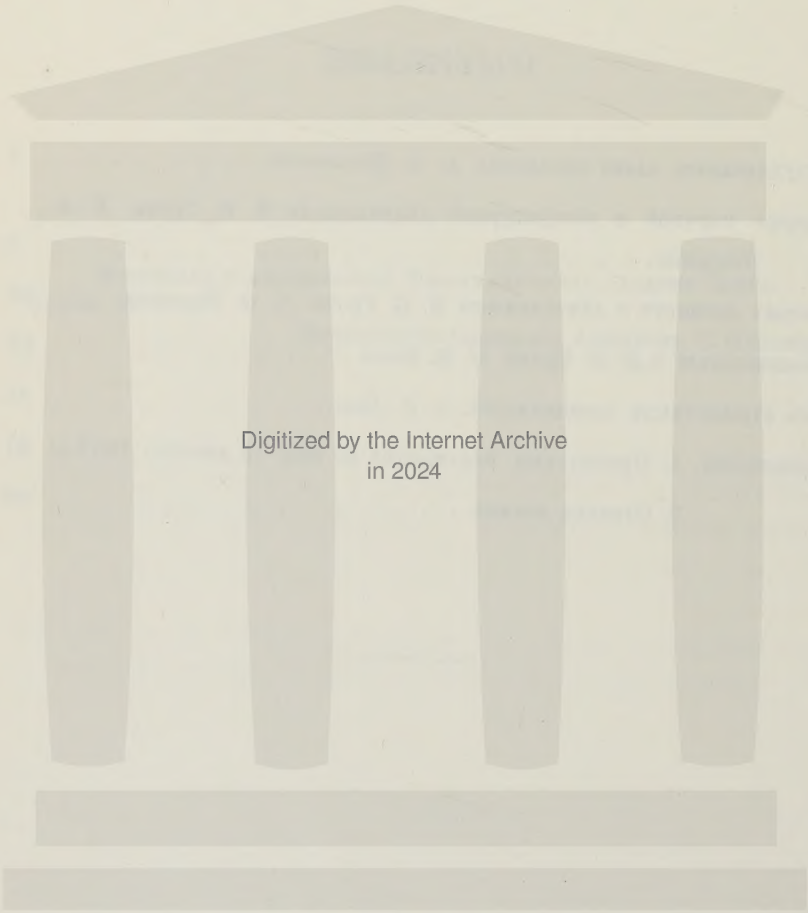
Очеркъ личности и дѣятельности Я. К. Грота. *П. О. Морозова* . . . 37

Воспоминанія о Я. К. Гротѣ. *И. В. Ягича* 63

Изъ отрывочныхъ воспоминаній. *А. Ѳ. Кони* 75

Дополненія. 1. Привѣтствія, полученныя ко дню 15 декабря 1912 г. 81

2. Отклики печати. 86



Digitized by the Internet Archive
in 2024

https://archive.org/details/sbornik-otdeleniya-russkogo-yazyka-i-slovesnosti_1913_90_3

16-го декабря 1912 г. Отдѣленіе Русскаго языка и Словесности Императорской Академіи Наукъ чествовало торжественнымъ собраніемъ въ большомъ академическомъ залѣ память покойнаго академика Якова Карловича Грота, предсѣдательствовавшаго въ Отдѣленіи съ 1866 г., и вицепрезидента Академіи Наукъ съ 1889 г. († 24 мая 1893 г.) по случаю исполнившейся наканунѣ, 15-го декабря, столѣтней годовщины его рожденія (15 декабря 1812 г.). Это публичное засѣданіе Отдѣленія подъ предсѣдательствомъ академика А. А. Шахматова почтили своимъ присутствіемъ какъ представители Академіи — въ лицѣ вице-президента П. В. Никитина, непремѣннаго секретаря С. Ѳ. Ольденбурга, академиковъ и почетныхъ академиковъ, такъ и очень многіе выдающіеся представители ученаго, литературнаго и педагогическаго міра и многочисленная публика, наполнившая весь залъ. Здѣсь было много старыхъ почитателей Я. К. Грота и дѣятелей лично его знавшихъ, не говоря о его родныхъ и близкихъ; здѣсь были и представители тѣхъ учрежденій, которымъ Яковъ Карловичъ посвятилъ многіе годы своей дѣятельности и съ которыми тѣсно связано имя его, а именно директоръ Александровскаго Лицея генералъ-лейтенантъ В. А. Шильдеръ и прибывшій спеціально на торжество извѣстный профессоръ-славистъ Александровскаго Университета (въ Гельсингфорсѣ) Іос. Ю. Миккола; наконецъ явились на собраніе и представители духовенства, какъ православнаго, такъ и лютеранскаго. На эстрадѣ, близъ каѳедры, возвышался бюстъ академика.

А. А. Шахматовъ открылъ засѣданіе вступительнымъ словомъ и сообщеніемъ привѣтствій, полученныхъ Академіей къ этому дню, а затѣмъ слово было предоставлено ораторамъ: профессору Юрьевскаго университета Е. В. Пѣтухову, П. О. Морозову и наконецъ — академику Н. А. Котляревскому, прочитавшему воспоминанія академика И. В. Ягича о Яковѣ Карловичѣ.

По постановленію Отдѣленія русскаго языка и словесности— чествованію памяти академика Я. К. Грота и рѣчамъ, при этомъ произнесеннымъ, посвящается настоящій сборникъ [1]).

---

1) О включенныхъ въ него воспоминаніяхъ А. Ѳ. Кони см. ниже, въ примѣчаніи къ нимъ.

Вступительное слово академика А. А. Шахматова.

Вчера[1]) исполнилось сто лѣтъ со дня рожденія Якова Карловича Грота. Мы собрались для того, чтобы почтить его память. Съ именемъ Грота связано много страницъ въ исторіи русскаго просвѣщенія. Ломоносовъ, Державинъ, Карамзинъ, Крыловъ, Жуковскій, Пушкинъ, корифеи нашей литературы, имѣютъ въ немъ или своего издателя-комментатора или своего историка-біографа. Нашъ языкъ нашелъ въ Гротѣ неутомимаго изслѣдователя, много потрудившагося между прочимъ надъ популяризаціей научныхъ о немъ знаній. Многолѣтними его трудами достигнуто упорядоченіе нашего правописанія. Гротомъ положены основанія русскаго Словаря, памятника современнаго литературнаго и живого языка. Исторія нашей культуры и духовнаго развитія въ отдѣльныхъ частностяхъ разработана Гротомъ разносторонне: имъ извлекались для этого матеріалы изъ исторіи языка, литературы, быта; широкое научное и литературное образованіе давало ему возможность освѣщать эти данныя остроумными соображеніями и цѣнными обобщеніями. Просвѣщенный и благожелательный Гротъ соединилъ свое имя неразрывно съ исторіей многихъ про свѣтительныхъ учрежденій, ученыхъ и литературныхъ предпріятій, также съ началомъ дѣятельности цѣлаго ряда ученыхъ и писателей, находившихъ въ немъ поддержку и руководительство.

---

1) Т. е. 15-го декабря.

Отдѣленіе русскаго языка и словесности многимъ обязано въ своемъ ростѣ и внутреннемъ развитіи Я. К. Гроту. Съ благодарностью чтитъ оно его память. Отдѣленіе счастливо, что въ настоящемъ торжественномъ засѣданіи ему придется воскресить дорогой для него образъ въ прочувствованныхъ сообщеніяхъ его почитателей и въ согрѣтыхъ любовью воспоминаніяхъ академика Ягича, товарища Якова Карловича по Отдѣленію.

Очеркъ научной и литературной дѣятельности Я. К. Грота[1]).

В. Е. Пѣтухова.

1.

Домашняя подготовка. — Поступленіе въ Царскосельскій Лицей. — Научная любознательность; интересъ къ языкамъ; первые стихотворные опыты; выступленіе въ печати. — Соприкосновеніе съ скандинавскимъ міромъ. — Служба по выходѣ изъ Лицея. — Рѣшеніе посвятить себя литературѣ. — Переѣздъ въ Гельсингфорсъ.

«Я поступилъ не по прихоти; я повиновался голосу, который уже столько лѣтъ слышу въ груди моей. *Не внѣшнихъ сокровищъ домогаюсь: хочу сокровищъ знанія, внутренняго мира, ищу истины и добра*; хочу усладить вѣкъ мой созерцаніемъ прекраснаго въ твореніи, изученіемъ лучшихъ произведеній духа человѣческаго; буду стараться и самъ создать что-нибудь достойное памяти» — такъ записалъ Я. К. Гротъ въ одномъ изъ отрывковъ своего дневника 6 апрѣля 1840 года[2]), рѣшившись перемѣнить службу въ Государственной Канцеляріи, обѣщавшую ему блестящую карьеру въ будущемъ, на занятія литературой и наукой. Близкіе люди или просто знакомые, принимавшіе участіе въ судьбѣ Я. К., удивлялись этому его рѣшенію и считали его «сумасбродомъ»; прошелъ даже слухъ, что онъ просто помѣшался, но 28-лѣтній Гротъ (родился 15 декабря 1812) обладалъ уже въ ту пору такими чертами своего умственнаго и нравственнаго склада и настолько опредѣлившимся характеромъ, что толки эти его не смутили: «такъ сильно я чувствовалъ — говоритъ онъ въ

1) Былъ прочитанъ, съ нѣкоторыми сокращеніями, въ публичномъ собраніи Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ 16 декабря 1912 года.

2) Я. К. Гротъ. Нѣсколько данныхъ къ его біографіи и характеристикѣ Спб. 1895, с. 54.

своихъ автобіографическихъ запискахъ — что исполняю неотразимое требованіе своей природы, и со свѣтлою юношескою довѣрчивостью глядѣлъ на будущее»[1]). Это будущее, сдѣлавшееся для насъ теперь уже прошедшимъ, какъ нельзя лучше показало, что Я. К. былъ совершенно правъ, слѣдуя голосу своего призванія: по справедливому замѣчанію Гёте, переданному самимъ Я. К. въ отрывкѣ его дневника, имѣющемъ характеръ глубокаго и отчетливаго самоанализа (1841), «желанія наши бываютъ предчувствіями тѣхъ способностей, которыми мы надѣлены, предвѣстниками того, что мы въ состояніи будемъ совершить»[2]).

Чтобы правильно оцѣнить весь послѣдующій ходъ обширныхъ трудовъ Грота въ избраной имъ области[3]), слѣдуетъ теперь спросить: съ какимъ же багажомъ отправился онъ въ этотъ трудный тогда, невѣрный и даже опасный путь служенія литературѣ и наукѣ? Прежде всего, это были, кромѣ природнаго влеченія къ умственной дѣятельности, чуждаго тщеславія и сторонніхъ побужденій, богатыя способности, уравновѣшенность, самообладаніе и настойчивость, которыя поражаютъ своимъ сочетаніемъ въ Я. К. наблюдателя его дѣтскихъ и юношескихъ лѣтъ. Нося въ своей крови элементы одной изъ культурнѣйшихъ народностей европейскаго запада, внукъ дѣятельнаго и не чуждаго наукѣ лютеранскаго пастора въ Петербургѣ, нѣмецъ по происхожденію, но по воспитанію и языку совершенно русскій, окруженный въ раннемъ дѣтствѣ скромной, но безукоризненной въ нравственномъ отношеніи атмосферой, Гротъ, послѣ нѣкоторой домашней подготовки, отданъ былъ, на десятилѣтнемъ возрастѣ (въ январѣ 1823), въ Царскосельскій лицейскій пансіонъ. Въ эту пору, по его собственному свидѣтельству, онъ былъ «очень мало развитъ», робокъ и застѣнчивъ; живя дома, въ тѣсномъ кругу однообразныхъ впечатлѣній, и руководимый въ своемъ воспитаніи ма-

1) Я. К. Гротъ. Нѣсколько данныхъ и пр., с. 31.

2) Тамъ же, с. 63.

3) Большая часть сочиненій и переводовъ Я. К. собрана его сыномъ, профессоромъ К. Я. Гротомъ: Труды Я. К. Грота. I—V. Спб. 1898—1903.

терью-вдовой, мальчикъ находилъ «особенное удовольствіе» въ томъ, чтобы рыться въ толстыхъ фоліантахъ французскихъ и нѣмецкихъ лексиконовъ, «отыскивая слова и проводя такимъ образомъ цѣлые часы». Послѣ трехъ лѣтъ ученья въ пансіонѣ, Гротъ поступилъ въ Царскосельскій Лицей, который окончилъ въ іюнѣ 1832 года, не имѣя еще и полныхъ 20 лѣтъ отъ роду. Въ эту пору лицейскаго ученья умственныя способности и духовные интересы Грота получили особенное развитіе въ литературномъ направленіи. Это и неудивительно: стѣны лицея полны были еще воспоминаніями о недавнемъ пребываніи въ нихъ Пушкина, который былъ въ годы ученья тамъ Я. К. на вершинѣ своей литературной славы и не прерывалъ личныхъ сношеній съ мѣстомъ своего образованія, съ товарищами-лицеистами; господствовавшая среди воспитанниковъ Лицея страсть къ литературѣ всецѣло захватила собою и юнаго Грота, который, по его собственному свидѣтельству, увлекаясь литературой, «много читалъ, сочинялъ стихи, особенно юмористическіе, издавалъ рукописные журналы». Это литературное настроеніе нашло въ Гротѣ тѣмъ болѣе благопріятную почву, что все его духовное развитіе приняло въ эту пору «совершенно созерцательное направленіе» — не только въ силу природныхъ наклонностей юноши, но и особыхъ условій лицейской жизни, до извѣстной степени «затворнической» и окруженной символами величавыхъ историческихъ воспоминаній: «самый Петербургъ — вспоминаетъ Гротъ объ этомъ времени — былъ для насъ какимъ-то отдаленнымъ и чуждымъ міромъ, куда мы могли переноситься только воображеніемъ, и ничто не выводило меня изъ моей чисто созерцательной жизни»[1]).

Въ Лицеѣ Гротъ не столько ревностно учился, сколько читалъ и работалъ по собственному побужденію. Будучи, какъ онъ самъ говоритъ, «хотя по религіи и протестантъ, по духу и языку болѣе русскій, нежели нѣмецъ», онъ съ наслажденіемъ читалъ не только Пушкина, но внимательно слѣдилъ и за остальной текущей лите-

1) Я. К. Гротъ, с. 9—10.

ратурой того времени — въ журналахъ «Сѣверная Пчела», «Московскій Телеграфъ», «Сынъ Отечества», «Телескопъ», «Московскій Вѣстникъ», «Литературная Газета», въ многочисленныхъ тогдашнихъ альманахахъ, начиная съ «Сѣверныхъ Цвѣтовъ», въ которыхъ впервые встрѣтилъ имя своего будущаго друга и литературнаго товарища П. А. Плетнева; впослѣдствіи онъ самъ вспоминалъ о той необыкновенной «свѣжести и пріятности впечатлѣній», которыя доставляла ему «всякая литературная новость, отвѣчавшая потребности молодой души въ эстетическихъ наслажденіяхъ» [1]). Въ это время Гротъ много читалъ и классическихъ авторовъ — не только русскихъ, но и иностранныхъ, особенно итальянскихъ; для пониманія послѣднихъ въ подлинникѣ, онъ, безъ посторонней помощи и только по однѣмъ книгамъ, въ короткое время выучился итальянскому языку и познакомился съ Тассомъ, Боккачіо, Манцони и Альфіери.

Поступивъ, по окончаніи курса въ Лицеѣ, на службу сначала въ канцелярію Комитета министровъ, подъ начальство барона М. А. Корфа, а потомъ — съ назначеніемъ послѣдняго государственнымъ секретаремъ—въ Государственную Канцелярію, Я. К., при ревностномъ исполненіи своихъ обязанностей, съ самаго же начала тяготился ими и постоянно переживалъ внутреннюю борьбу между влеченіемъ къ научно-литературнымъ занятіямъ и необходимостью тратить свое время и силы на составленіе и даже переписку канцелярскихъ бумагъ. Влеченіе это, по его собственному наблюденію надъ собой въ ту пору, принимало нерѣдко прямо болѣзненныя формы: имѣя возможность пользоваться развлеченіями столичной жизни и бывать въ избранномъ обществѣ, жизнерадостный, здоровый и отлично воспитанный молодой человѣкъ отказывался отъ естественныхъ удовольствій его возраста и иногда, будучи въ театрѣ или на балу, подъ давленіемъ неодолимаго влеченія, бѣжалъ домой, чтобы сѣсть за свои любимыя книги. Чтобы еще болѣе расширить кругъ своихъ литературныхъ

1) Я. К. Гротъ, с. 13.

впечатлѣній, онъ въ это время присоединяетъ къ прекрасному знанію уже трехъ новыхъ языковъ — изъ которыхъ французскій и нѣмецкій были знакомы ему съ дѣтства — еще знакомство съ языкомъ англійскимъ, давшимъ ему возможность читать въ подлинникѣ Байрона и Шекспира, а также изучаетъ въ достаточной степени и латинскій и читаетъ на немъ начатую еще въ Лицеѣ Виргиліеву Энеиду.

Вся эта необыкновенная жажда литературныхъ и язычныхъ познаній и соотвѣтственное ей умственное и душевное настроеніе не замедлили привести и къ собственнымъ опытамъ на поприщѣ литературы. Отъ первыхъ лицейскихъ попытокъ въ области школьной юмористики и ученическихъ «разсужденій» на литературно-философскія темы, Гротъ, урывая свободные часы отъ отдыха и нелюбимой службы, сталъ, въ началѣ 1830-хъ годовъ, пробовать свои силы въ эпосѣ и сатирѣ, а потомъ и въ лирикѣ, гдѣ, какъ онъ самъ говоритъ, «едва не впалъ въ то болѣзненное направленіе, которое, выражаясь унынiемъ страждущей души, увлекало въ то время столькихъ молодыхъ людей»[1]). Очевидно, это было то сантиментально-романтическое настроеніе, которое, при тогдашнемъ господствѣ философскихъ идей среди молодежи, многихъ изъ нихъ доводило до потери бодрости и душевнаго равновѣсія. Однако строгость къ самому себѣ удержала Я. К. отъ выступленія съ этими плодами своей мечтательно-идеалистической музы въ печати, и они не дошли до насъ даже въ его бумагахъ, не смотря на его рано опредѣлившуюся привычку къ аккуратному сохраненію всего, сколько-нибудь достойнаго вниманія. Немногіе стихотворные опыты Грота сохранились лишь начиная съ 1837 года[2]), и самымъ раннимъ изъ нихъ является «Дань Пушкину», посвященная товарищамъ по лицею и выра-

1) Тамъ же, с. 20.

2) Если не считать нѣсколькихъ басенъ, помѣщенныхъ имъ въ рукописномъ лицейскомъ журналѣ «Лицейскій Муравей» (1830): К. Я. Гротъ. Пушкинскій Лицей (1811—1817). Бумаги I курса, собранныя академикомъ Я. К. Гротомъ. Спб. 1911, с. 436—439.

жающая собою глубокую скорбь по поводу великой утраты. Это стихотвореніе, написанное гекзаметрами въ приподнято-торжественномъ духѣ и напечатанное уже послѣ смерти автора, въ качествѣ историко-біографическаго матеріала, равно какъ и другія оригинальныя произведенія Я. К., писанныя стихами, къ которымъ прибѣгалъ онъ урывками, по разнымъ случаямъ, вплоть до 1865 года[1]), вполнѣ оправдываютъ осторожность автора въ оцѣнкѣ своего поэтическаго дарованія: руководимый здравымъ художественнымъ вкусомъ и трезвымъ взглядомъ на свое призваніе, Я. К. во-время понялъ, что онъ не рожденъ быть поэтомъ.

Первое выступленіе Я. К., какъ стихотворца, въ печати было сдѣлано имъ въ качествѣ переводчика[2]). Именно, въ 1838 году въ «Современникѣ», издававшемся тогда П. А. Плетневымъ, былъ напечатанъ переводъ Байронова «Мазепы», начатый Гротомъ въ 1835 и оконченный въ 1837 году. Помѣщеніе въ печати этого труда доставило переводчику не только личное знакомство съ издателемъ «Современника», имѣвшее большое вліяніе на всю его послѣдующую жизнь, но и ближайшее соприкосновеніе съ другими представителями тогдашней литературы—княземъ В. Ѳ. Одоевскимъ, Кукольникомъ, Сенковскимъ. Къ тому же 1838 году относится и знакомство Грота съ В. А. Жуковскимъ; въ это время Я. К. работалъ уже надъ переводомъ поэтическаго произведенія гораздо бо̀льшаго объема и литературной важности, нежели «Мазепа» Байрона — поэмы Тегнера «Фритіофъ»; переводъ Грота вышелъ въ печати въ 1841 году,

1) Я. К. Гротъ, с. 75—142. Нѣкоторыя изъ стихотвореній Я. К. были предварительно напечатаны въ «Современникѣ» П. А. Плетнева, «Русскомъ Вѣстникѣ», «Русской Бесѣдѣ», «Русскомъ Архивѣ» и другихъ изданіяхъ: Труды Я. К. Грота, V, с. 316—353.

2) До этого, изъ трудовъ Я. К. была напечатана въ 1830 году въ «Литературной Газетѣ» Дельвига замѣтка профессора Лицея Тилло о «Курсѣ французской литературы» Ферри де-Пиньи, переводъ которой съ французскаго на русскій сдѣланъ былъ, по порученію профессора, Я. К., тогда еще воспитанникомъ Лицея: Списокъ сочиненій, переводовъ и изданіи академика Я. К. Грота, въ книгѣ: Я. К. Гротъ, с. 199.

когда самъ переводчикъ былъ уже на службѣ въ Гельсингфорсѣ.

Таковы были тѣ данныя природы, воспитанія, жизненныхъ условій и внутренняго душевнаго настроенія Я. К., съ которыми онъ входилъ, далеко не безъ внутренней борьбы съ самимъ собою, въ міръ умственнаго труда и научно-литературнаго творчества. Для него самого въ эту пору (въ 1840 году) было еще не совсѣмъ ясно, въ чемъ заключается его настоящее призваніе — въ наукѣ или литературѣ. Съ мыслью о литературѣ сроднился онъ благодаря своему по преимуществу литературному лицейскому образованію, окружавшей его атмосферѣ, положенію самой литературы въ обществѣ, наконецъ — блестящему примѣру Пушкина, но въ самомъ Гротѣ не было истинныхъ задатковъ ни поэта, ни литературно-художественнаго критика, ни публициста; по складу своего ума, онъ былъ рожденъ къ дѣятельности въ области науки, соприкасающейся съ интересами языка, литературы и исторіи, но къ этому Лицей приготовилъ его очень мало, и тогдашнее положеніе ученаго въ русскомъ обществѣ, внѣ университетской профессуры, представлялось довольно необыкновеннымъ и мало привлекательнымъ. Однако Гротъ пошелъ по этому пути, руководясь внутреннимъ стремленіемъ своей природы, и нужно было пройти цѣлому ряду лѣтъ въ жизни Я. К., когда онъ, отдѣливъ въ себѣ литератора отъ ученаго, всецѣло предоставилъ мѣсто второму, оставаясь однако же до конца жизни близкимъ литературѣ, какъ могучему органу жизни индивидуальной и общественной.

Горниломъ этой переработки Я. К. изъ литератора въ ученаго явился періодъ его финляндской службы.

Эта замѣчательная страница изъ жизни Грота открывается передъ нами работой его надъ переводомъ «Фритіофа», когда Я. К., съ большимъ напряженіемъ силъ и съ неиспытаннымъ до тѣхъ поръ увлеченіемъ, углубляется въ скандинавскій міръ, его поэзію, исторію, миѳологію, языкъ, нравы, просвѣщеніе, культуру. Интересно отмѣтить, что первое соприкосновеніе Грота съ

этимъ міромъ, по крайней мѣрѣ съ возможностью и поводомъ изучить шведскій языкъ, было случайнымъ. Въ серединѣ 1830-хъ годовъ, чувствуя потребность въ укрѣпленіи своихъ физическихъ силъ, Я. К. сталъ упражняться въ гимнастикѣ и верховой ѣздѣ у жившаго тогда въ Петербургѣ шведа Паули, который и вручилъ любознательному своему посѣтителю, охотно изучавшему иностранные языки, экземпляръ Тегнѐрова «Фритіофа». Одобрительный отзывъ Гете объ этомъ произведеніи побудилъ юнаго поклонника поэзіи поскорѣе познакомиться съ нимъ сначала въ нѣмецкомъ переводѣ; восхищенный красотами поэмы, Гротъ рѣшилъ перевести ее на русскій языкъ, для чего, конечно, необходимо было знаніе шведскаго языка. Послѣднее далось ему, при основательномъ знакомствѣ съ языками нѣмецкимъ и англійскимъ, довольно легко и скоро, но учено-литературная складка ума открыла передъ нимъ необходимость изучить, вмѣстѣ съ тѣмъ, скандинавскія древности, особенно миѳологію, для болѣе вѣрнаго и глубокаго пониманія подлинника.

Между тѣмъ, на встрѣчу будущимъ результатамъ работы Я. К. надъ скандинавскимъ міромъ шло его желаніе познакомиться съ этимъ міромъ непосредственно, по крайней мѣрѣ постольку, поскольку слѣды скандинавской культуры, языка и поэзіи сохранились въ сосѣдней Финляндіи. Еще въ 1837 году онъ побывалъ, вмѣстѣ со своимъ лицейскимъ товарищемъ А. Д. Комовскимъ, въ Гельсингфорсѣ, почти случайно; въ слѣдующіе два года онъ ѣздилъ туда же на морскія купанья, для поправленія здоровья, а въ іюнѣ 1840 года и совершенно переселился въ этотъ городъ, будучи назначенъ, по рекомендаціи Жуковскаго, чиновникомъ особыхъ порученій при министрѣ статсъ-секретарѣ Великаго Княжества Финляндскаго графѣ Р. И. Ребиндерѣ; наконецъ, въ апрѣлѣ 1841 года Я. К. былъ назначенъ профессоромъ русскаго языка, словесности и исторіи въ Гельсингфорскій университетъ и оставался въ этой должности до конца 1852 года.

Такимъ образомъ, стеченіе разныхъ обстоятельствъ, главнымъ двигателемъ которыхъ былъ однако же самъ Я. К., при-

вело его къ возможности стать въ условія, наиболѣе соотвѣтствовавшія развитію основной склонности Грота — занятію наукой.

2.

Жизнь въ Гельсингфорсѣ. — Преподавательская дѣятельность въ университетѣ и связанные съ нею научные и литературные труды. — Изученіе скандинавско-финскаго міра. — Переводъ «Фритіофа» Тегнѣра. — Рунеберга, Франценъ и Ленротъ. — Связи съ русской журналистикой. — Сотрудничество въ «Современникѣ» и дружеская переписка съ П. А. Плетневымъ. — Начало перехода отъ литературы къ наукѣ.

Въ теченіе своего почти 12-лѣтняго пребыванія въ Финляндіи, Я. К., живя все время съ матерью, а послѣдніе два года (послѣ женитьбы въ началѣ 1850 года на Н. П. Семеновой) и съ женой, сравнительно мало отдавалъ себя общественной дѣятельности. Бывая по временамъ въ высшихъ кругахъ гельсингфорскаго общества, поддерживая отношенія съ товарищами по службѣ, наблюдая — по служебнымъ обязанностямъ — при объѣздахъ училищъ Финляндіи преподаваніе тамъ русскаго языка, Я. К. жилъ однако же главнымъ образомъ въ университетской аудиторіи, библіотекѣ и своемъ рабочемъ кабинетѣ; связь съ русской жизнью поддерживалъ онъ періодическими поѣздками въ Петербургъ и чрезвычайно дѣятельной перепиской съ Плетневымъ, которая, сама по себѣ, является однимъ изъ важныхъ источниковъ для изученія русской литературной жизни и особенно русско-финляндскихъ литературно-ученыхъ сношеній и связей въ 40-ые и отчасти послѣдующіе годы XIX вѣка[1]).

Гротъ смотрѣлъ на свое положеніе въ Гельсингфорсѣ не съ одной только стороны преподавательскихъ обязанностей своихъ въ университетѣ. Вотъ его собственныя слова, записанныя въ дневникѣ 30 іюня 1844: «я не только профессоръ, я также русскій литераторъ, обязанный особливо знакомить своихъ соотече-

1) Издана, въ трехъ томахъ, проф. К. Я. Гротомъ: Переписка Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ. Спб. 1896.

ственниковъ съ новымъ міромъ, въ который я поставленъ»[1]). Какъ профессоръ трехъ важнѣйшихъ предметовъ (русскаго языка, литературы и исторіи), Гротъ удѣлялъ своимъ обязанностямъ самую значительную часть своихъ умственныхъ силъ. Поставленный въ необходимость преподавать своимъ слушателямъ эти предметы на шведскомъ языкѣ, онъ съ величайшей добросовѣстностью писалъ на немъ подробныя записки по всѣмъ частямъ преподаванія. Конечно, самое положеніе этихъ предметовъ въ Гельсингфорскомъ университетѣ, при невысокомъ уровнѣ подготовки слушателей Грота для ихъ изученія, обусловливало то, что чтенія эти, въ основѣ своей, носили общій и по преимуществу компилятивный характеръ, на основаніи лучшихъ трудовъ, которыми располагала тогда русская историческая и языковѣдная литература; однако въ извѣстныхъ частяхъ эти курсы не лишены были и научно-изыскательныхъ элементовъ, и нѣкоторая часть ихъ была монографически обработана къ печати. Такъ, Гротомъ были напечатаны статьи: «Объ основныхъ формахъ русскаго глагола» (1845) и «О произношеніи буквъ е, ѣ, э» (1847), положившія начало будущимъ обширнымъ изслѣдованіямъ его въ области русской филологіи; изъ круга вопросовъ исторіи русской литературы опубликованы были въ 1845 году статьи: «Державинъ», «Участіе Державина въ С.-Петербургскомъ Вѣстникѣ», «Фелица и Собесѣдникъ Любителей Россійскаго Слова»—также зародышъ и начало послѣдовавшихъ капитальныхъ трудовъ Я. К. по исторіи русской литературы XVIII вѣка; по русской исторіи можно отмѣтить здѣсь: «Дѣйствительно ли Мартинъ Беръ авторъ хроники?» (1849) и «Черты изъ жизни княгини Е. Р. Дашковой» (1845). Но главная масса трудовъ Грота въ финляндскій періодъ падаетъ на изученіе самыхъ разнообразныхъ вопросовъ скандинавскаго міра, при чемъ авторъ и въ выборѣ предметовъ и въ ихъ обработкѣ постоянно имѣетъ въ виду отношеніе ихъ къ потребностямъ и запросамъ русской науки, литературы и обще-

1) Переписка, II, с. 899.

ственной жизни. Здѣсь нѣтъ необходимости, да и трудно было бы исчислить всѣ эти результаты научной пытливости и литературной разносторонности Грота въ данномъ направленіи. Довольно отмѣтить самое значительное. Статьи «Поэзія и миѳологія скандинавовъ» (1839, еще до переселенія въ Финляндію), «О финнахъ и ихъ народной поэзіи» (1840), «Очерки старинныхъ нравовъ Швеціи» (1845) явились въ свое время крупными и поучительными новинками для серьезныхъ русскихъ читателей и немало содѣйствовали проявленію интереса въ Россіи къ скандинавско-финской исторіи, этнографіи и народно-поэтической старинѣ. Статья «Воспоминанія Александровскаго университета», помѣщенная Я. К. въ изданномъ имъ, на русскомъ и на шведскомъ языкѣ, Альманахѣ въ память 200-лѣтняго юбилея Гельсингфорскаго университета (1842), и до сихъ поръ остается лучшимъ очеркомъ старыхъ судебъ этого учебнаго заведенія, написаннымъ съ высокой объективностью и замѣчательной полнотой свѣдѣній, извлеченныхъ авторомъ изъ подлинныхъ архивныхъ документовъ. Не буду говорить здѣсь ни о «Листкахъ изъ скандинавскаго міра» (1842. 1843. 1844), такъ интересовавшихъ въ свое время читателей «Современника» новизной и оригинальностью сообщеній, ни о содержательныхъ описаніяхъ въ «Переѣздахъ по Финляндіи» (1847) и «Письмахъ» изъ путешествій по Швеціи (1847. 1848): все это въ настоящее время остается лишь достояніемъ прошлаго, но въ пору своего появленія дало русскому читателю множество интересныхъ и поучительныхъ впечатлѣній, изложенныхъ правдивымъ и легкимъ перомъ молодого русскаго литератора. Въ кругъ русско-шведскихъ литературныхъ интересовъ Я. К. должны быть поставлены и его работы по изданію Шведско-русскаго словаря (1846—1847), два выпуска Разсказовъ изъ русской исторіи на шведскомъ языкѣ (1850. 1851), два выпуска легкихъ статеекъ собственнаго сочиненія (1848), какъ пособіе для изученія русскаго языка шведами, многіе переводы со шведскаго историческихъ очерковъ (Фрюкселя, г-жи Ваклинъ), стихотвореній, повѣстей и романовъ; нѣкоторые изъ

послѣднихъ, значительные по объему, были переведены сестрой Я. К., Розой Карловной, и только просмотрѣны Гротомъ къ печати, какъ «Семейство» Фредерики Бремеръ или «Импровизаторъ» Андерсена.

Совершенно особое мѣсто среди трудовъ Грота даннаго періода занимаетъ его стихотворный переводъ Тегнѣрова «Фритіофа». Часть этого труда, начатаго Я. К. еще до переѣзда въ Финляндію, сдѣлалась извѣстна въ рукописномъ видѣ Жуковскому, который въ письмѣ къ Плетневу (1838) послалъ, изъ Венеціи, молодому переводчику свое ободреніе къ продолженію работы; эта работа велась имъ такъ усердно, что, по его собственному признанію, онъ «иногда по цѣлымъ недѣлямъ не выходилъ изъ дому». Къ первому изданію (1841) переводчикъ присоединилъ, въ видѣ «писемъ» къ А. О. Ишимовой, обстоятельный очеркъ быта, религіи и поэзіи древнихъ скандинавовъ, а также цѣнныя библіографическія указанія. Переводъ Грота вызвалъ сочувственные отзывы въ періодической печати. О немъ съ похвалой отозвался не только Плетневъ въ своемъ «Современникѣ» (1841. XXIII), но и Бѣлинскій (Отеч. Зап. 1841. XVII), написавшій, между прочимъ, слѣдующія строки: «Нельзя не отдать полной справедливости таланту г. Грота, какъ переводчика. Онъ умѣлъ сохранить колоритъ скандинавской поэзіи подлинника, и потому въ его переводѣ есть жизнь.... Изданіе перевода г. Грота, не въ примѣръ русскимъ книгамъ, европейское въ полномъ смыслѣ этого слова». Успѣхъ перевода «Фритіофа» среди русской публики вызвалъ позднѣе, когда Я. К. жилъ уже въ Петербургѣ, второе его изданіе, отчасти переработанное въ текстѣ перевода и обогащенное новыми приложеніями (Воронежъ, 1874).

Другими любимцами научной мысли и поэтической воспріимчивости Грота изъ области шведско-финской литературы были Рунебергъ, Францѣнъ и Ленротъ. «Знакомству съ Рунебергомъ» посвящена одна изъ первыхъ статей Я. К. въ области скандинавскихъ отношеній. Здѣсь онъ съ большимъ одушевленіемъ описываетъ поѣздку свою въ 1839 году по Финляндіи и, въ частно-

сти, посѣщеніе имъ города Борго, гдѣ жилъ Рунебергъ — финляндецъ по рожденію, одна изъ знаменитостей тогдашней шведской литературы. Поѣздку эту Гротъ совершилъ совмѣстно съ писателемъ Цигнеусомъ, и въ своемъ описаніи даетъ не только обстоятельную характеристику шведскаго поэта, съ выдержками изъ его сочиненій въ собственномъ (Грота) переводѣ на русскій языкъ, въ стихахъ, но попутно свѣдѣнія и о другихъ шведскихъ писателяхъ — Чельгренѣ, Бельманѣ, Леопольдѣ, Стагнеліусѣ, Аттербомѣ. Въ послѣдующіе годы Я. К. не разъ возвращался къ Рунебергу: такъ, въ 1877 году, по поводу смерти Рунеберга, онъ помянулъ его прочувствованнымъ некрологомъ, а въ 1881 году, въ видѣ воспоминаній о немъ, описалъ одно изъ своихъ позднѣйшихъ посѣщеній Рунеберга, когда уже отношенія между ними сдѣлались болѣе тѣсными, и, между прочимъ, помѣстилъ здѣсь пространное и замѣчательное письмо къ нему Рунеберга, въ которомъ поэтъ подробно выражаетъ свой взглядъ на «Калевалу» и ея собирателя Ленрота[1]). Самъ Я. К., вскорѣ послѣ своего знакомства съ Рунебергомъ, частію перевелъ (1841) на русскій языкъ въ прозѣ, частію подробно пересказалъ двѣ поэмы Рунеберга, «Стрѣлки лосей» и «Надежда», изъ которыхъ послѣдняя особенно привлекла его своимъ содержаніемъ, взятымъ изъ русской исторіи. Престарѣлаго Францѣна, заслуженнаго литератора, бывшаго профессоромъ Абовскаго университета, а потомъ переселившагося въ Швецію, съ санѣ епископа, Я. К. узналъ впервые на празднованіи 200-лѣтія Гельсингфорскаго университета въ 1840 году, отчасти переписывался съ нимъ, а потомъ, во время первой своей поѣздки въ Швецію (1847), непремѣнно хотѣлъ навѣстить его, чтобы продолжить и укрѣпить знакомство, завязанное при мимолетной юбилейной встрѣчѣ; но каково было его разочарованіе и горе, когда, только что вступивъ въ Стокгольмѣ на шведскую почву и развернувъ первую попавшуюся газету, онъ натолкнулся въ ней на извѣстіе о

1) Труды, I, с. 687—695.

смерти Францѐна! Съ Ленротомъ, финскимъ филологомъ и фольклористомъ, знаменитымъ собирателемъ народнаго эпоса финновъ, Я. К. познакомился также на упомянутомъ университетскомъ юбилеѣ въ Гельсингфорсѣ, когда тому было только 38 лѣтъ, и самъ онъ былъ въ полномъ разгарѣ своего собирательства и увлеченія поэтическимъ творчествомъ родного народа, жилъ въ чисто-крестьянской обстановкѣ, которую и могъ наблюдать Гротъ въ неоднократныя свои посѣщенія Ленрота; его трудами не разъ пользовался Я. К. и далъ въ одной изъ своихъ статей (1840) подробный и обстоятельный пересказъ «Калевалы»[1]); ему посвятилъ онъ въ «Современникѣ» и проникнутыя чувствомъ глубокаго уваженія строки въ одномъ изъ своихъ «писемъ изъ Гельсингфорса», подъ общимъ заглавіемъ «Литературныя новости въ Финляндіи»[2]). Вообще Я. К., отдавшій своимъ профессорскимъ обязанностямъ въ Гельсингфорсѣ и изученію финско-скандинавскаго міра первый и свѣжій запасъ своихъ умственныхъ силъ, дѣйствовалъ тутъ съ глубокимъ увлеченіемъ, искренностью и неутомимой настойчивостью. И эта дѣятельность была въ значительной степени оцѣнена финляндцами. Не только современные ему дѣятели, въ соприкосновеніи съ Я. К., выказывали ему знаки своей дружбы и уваженія, но выраженія этихъ же чувствъ онъ имѣлъ радость слышать и въ старости въ видѣ обращенныхъ къ нему отъ Гельсингфорсскаго университета привѣтствій въ юбилейные дни 1882 и 1892 годовъ; въ послѣднемъ случаѣ Я. К. съ полнымъ правомъ могъ принять, какъ вполнѣ заслуженную награду, признаніе не только своей «энергической преподавательской и авторской дѣятельности», но и «возвышеннаго образа мыслей», которымъ эта работа его въ Финляндіи сопровождалась; его дѣятельность тамъ дѣйствительно «служила знаменательнымъ звеномъ, связывавшимъ русскую литературу съ литературой Финляндіи и Швеціи, и тѣмъ способствовала

1) Труды, I, с. 126—147.
2) Тамъ же, с. 155—160

болѣе близкому взаимному ознакомленію разноплеменныхъ народовъ»[1]).

Однако, помимо обязанностей профессора и писателя-посредника между русскимъ и финско-шведскимъ литературнымъ міромъ, Я. К., живя въ Гельсингфорсѣ, видѣлъ въ себѣ также и «русскаго литератора» въ болѣе широкомъ смыслѣ слова. Въ этомъ отношеніи сотрудничество въ «Современникѣ» вплоть до 1847 года, когда этотъ журналъ перешелъ отъ П. А. Плетнева въ другія руки, было для него особенно удобно. Тѣсныя дружескія связи его съ издателемъ «Современника» продиктовали ему въ дневникѣ 1844 года слѣдующія строки: «если не буду содѣйствовать другу въ его полезномъ предпріятіи, то не буду послѣ безукоризненъ передъ самимъ собою», и, т. о., онъ ставилъ свое сотрудничество въ журналѣ подъ контроль не только сознанія пользы дѣла, но и нравственнаго долга совѣсти. Эта двойная связь Грота съ «Современникомъ» какъ бы давала ему право принимать близко къ сердцу успѣхъ этого журнала и отношеніе къ нему самого издателя. На этой почвѣ между друзьями происходили иногда серьезныя пререканія, нисколько однако же не нарушавшія ихъ искреннихъ отношеній. Напримѣръ, въ одномъ изъ писемъ (5 іюля 1844) Гротъ выражаетъ мысль, что «Современникъ» долженъ наполняться болѣе живымъ литературнымъ матеріаломъ и стараться держать своихъ читателей въ курсѣ самыхъ послѣднихъ новостей и теченій современной дѣйствительности; кромѣ того, онъ полагалъ, что всякій дорожащій своимъ дѣломъ журналистъ долженъ прилагать всѣ усилія къ тому, чтобы его дѣтище имѣло возможно болѣе широкое распространеніе, такъ какъ естественно желать, чтобы «истина», въ которую мы вѣримъ, сообщалась какъ можно болѣе широкому кругу читателей. Но Плетневъ не сочувствовалъ этому правильному взгляду своего друга и совершенно неосновательно приписывалъ ему желаніе видѣть въ журналѣ «задорность, даже нѣкоторую желчность». Плетневъ возра-

1) Я. К. Гротъ, с. 197.

жалъ Гроту: «Изложеніе истины есть моя потребность, моя жизнь, а соединеніе мыслей не входитъ въ мой планъ.... Мы должны твердо идти къ распространенію свѣта и добра, безъ малѣйшей оглядки на окружающее насъ»[1]). Въ слѣдующемъ году (1845) между друзьями снова возникаетъ нѣсколько обостренный обмѣнъ мыслей по поводу одного эпизода изъ жизни «Современника», при чемъ Я. К. опять волнуется, а Плетневъ охлаждаетъ его указаніемъ на болѣе высокія цѣли дѣятельности: «Помни, другъ, что мы всѣ маленькимъ обществомъ нашимъ свободно и искренно стремимся ко всему лучшему *здѣсь* — для оправданія, что понимаемъ лучшее *тамъ*». Я. К. слѣдующими достойными его нравственнаго характера словами ликвидировалъ эту вспышку недоразумѣнія: «Ты совершенно правъ, мой безцѣнный другъ; но правъ былъ и я, потому что мое неудовольствіе произошло отъ избытка участія. Вотъ еслибъ кто-нибудь изъ насъ могъ разсердиться на другого отъ скрытаго чувства нерасположенія, тогда бы было плохое дѣло, но пока горитъ священный огонь истинной любви, маленькія вспышки не только не опасны, но даже благодѣтельны»[2]).

Пока «Современникъ» былъ собственностью Плетнева, Я. К. отдавалъ ему всѣ свои силы по участію въ текущей литературѣ; онъ не счелъ возможнымъ принять участіе даже въ «Финскомъ Вѣстникѣ» Ѳ. К. Дершау, не смотря на то, что этотъ журналъ былъ спеціально предназначенъ служить цѣлямъ сближенія финско-скандинавскаго міра съ русскимъ, и на то, что издатель журнала усердно и въ самой лестной для Я. К. формѣ просилъ его объ этомъ сотрудничествѣ[3]). Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что въ выборѣ своего мѣста среди тогдашнихъ литературныхъ теченій и журнальной партійности Я. К. находился подъ извѣстнымъ вліяніемъ своего друга, хотя въ другихъ отношеніяхъ (научномъ, моральномъ) Плетневъ самъ признаетъ, въ пись-

1) Переписка, II, с. 276. 283—284.
2) Тамъ же, II, с. 583. 586—587. 593.
3) Тамъ же, II, с. 886.

махъ къ Гроту [1]), его безусловное и дѣятельное на себя вліяніе. Впрочемъ, опредѣленіе себѣ извѣстнаго мѣста среди тогдашней журналистики облегчалось для Я. К. еще и тѣмъ, что по своему умственному настроенію и взглядамъ онъ во многомъ гармонировалъ со своимъ другомъ: ему не только не симпатична была вульгарность и нравственное безразличіе Булгаринской «Сѣверной Пчелы», но и партійная односторонность «Библіотеки для Чтенія» Сенковскаго и «Отечественныхъ Записокъ» Краевскаго; на этой почвѣ онъ охотно мирился съ той несомнѣнной односторонностью «Современника», которая дала поводъ охарактеризовать его въ одной статьѣ современной нѣмецкой газеты (St. Petersburger Zeitung 1846) какъ журнальный органъ, который «открываетъ свои страницы только немногимъ избраннымъ писателямъ» и «какъ въ выборѣ предметовъ, такъ и въ изложеніи имѣетъ въ виду вкусъ и требованія только небольшого, также избраннаго круга читателей, который по утонченному образованію стоитъ выше общей массы читающей публики». Выписку изъ этой, въ основѣ правильной, характеристики Я. К. сообщилъ Плетневу въ одномъ изъ своихъ писемъ безъ всякихъ комментаріевъ и дополненій [2]). Не менѣе вѣроятнымъ представляется вліяніе Плетнева на Грота и во взглядѣ послѣдняго на Бѣлинскаго, съ которымъ Я. К., повидимому, вовсе не входилъ въ личныя сношенія, хотя, конечно, не могъ не замѣчать славной дѣятельности великаго критика въ первой половинѣ 40-хъ годовъ въ «Отечественныхъ Запискахъ». Я. К. о Бѣлинскомъ высказался вообще очень мало, и хотя, конечно, не раздѣлялъ крайняго мнѣнія своего друга объ отсутствіи у Бѣлинскаго всякаго дарованія, о томъ, что Никитенко — «другой экземпляръ Бѣлинскаго» и что оба они «несносны монотонностію языка и настроенія: одинъ говоритъ какъ школяръ [Бѣлинскій], а другой какъ школьный мастеръ» [3]), однако, не смотря на сочувственный отзывъ Бѣлинскаго, при-

1) Напр. III, с. 700—701.
2) Переписка, II, с. 707.
3) Переписка, II, с. 702.

вѣтствовавшій первое крупное выступленіе Я. К. въ литературѣ, говоритъ о немъ не безъ раздраженія въ разныхъ мѣстахъ переписки съ Плетневымъ[1]); впрочемъ, позднѣе онъ отнесся къ Бѣлинскому справедливѣе. Вообще надобно признать, что въ своихъ воззрѣніяхъ на современную журналистику Гротъ не былъ свободенъ отъ извѣстной доли аристократизма, и послѣ передачи Плетневымъ «Современника»—къ которому въ 1846 году составилъ даже, дорожа его мнѣніями, систематическій указатель за десять лѣтъ его существованія (1836—1845)—въ другія руки, ему трудно было найти себѣ органъ для продолженія привычной журнальной работы: въ «Современникъ» новой редакціи (Н. А. Некрасова и И. И. Панаева) онъ не пошелъ, особенно послѣ пренебрежительнаго отзыва въ этомъ журналѣ о книжкѣ Я. К. «Литературные опыты. I. Чтеніе для юношества. Гельсингфорсъ 1848», и вынужденъ былъ обратиться къ «С.-Петербургскимъ Вѣдомостямъ», отчасти «Сѣверному Обозрѣнію», «Москвитянину» и «Русскому Инвалиду». По этому вопросу — о продолжающемся участіи своемъ въ журналистикѣ — онъ однажды писалъ Плетневу (21 ноября 1849): «Люди, которые гораздо менѣе и хуже меня работали, давно пользуются общею извѣстностью и уваженіемъ къ имени ихъ потому только, что они являлись въ сильныхъ журналахъ. Я не дорожу мнѣніемъ большинства, но желалъ бы, чтобъ посильные плоды моей дѣятельности сознаваемы были, по крайней мѣрѣ, разумною частью литераторовъ, потому что иначе останешься на своемъ поприщѣ безъ всякаго участія и сочувствія[2]). Горькій взглядъ Я. К. на литературную суету своего времени и журнальные нравы, съ которыми не могла примириться его строгая совѣсть и высокій уровень литературныхъ понятій, внушили ему написать на эту тему особую сатиру, подъ заглавіемъ «Проектъ новаго журнала Инфузорій» и объявленія

1) Тамъ же, II, с. 591; III, с. 142.
2) Переписка, III, с. 491.

о немъ (1846), предназначенную для «Современника», но не напечатанную тамъ по несоотвѣтствію ея съ характеромъ этого изданія [1]). Наконецъ, въ 40-хъ годахъ для Я. К. въ кругу тогдашнихъ русскихъ журналовъ былъ еще одинъ уголокъ, въ которомъ онъ всегда находилъ радушное гостепріимство: это — «Звѣздочка» А. О. Ишимовой, извѣстной дѣтской писательницы того времени, съ которой сблизилъ Я. К-ча Плетневъ. Интересуясь вопросами воспитанія и не безъ основанія чувствуя себя способнымъ дать въ этой области такъ называемой «дѣтской литературы» нѣчто полезное и достойное вниманія, Я. К. помѣстилъ въ журналѣ Ишимовой, въ 1842—1848 годахъ, рядъ стихотвореній и прозаическихъ разсказовъ для дѣтей. Среди нихъ есть переводы съ нѣмецкаго, французскаго, датскаго, шведскаго и финскаго, но большею частію это — плоды самостоятельной литературной мысли и поэтическаго настроенія Грота, написанные простымъ и легкимъ языкомъ, безукоризненные по своему нравственному характеру и содержанію, отлично приспособленные къ пониманію дѣтскаго возраста. Изъ всего, написаннаго Я. К. въ стихотворной и беллетристической формѣ, эти труды его наименѣе забыты и донынѣ пользуются нѣкоторымъ успѣхомъ среди педагоговъ и полувзрослыхъ читателей [2]).

Но во вторую половину финляндскаго періода жизни Грота въ его умственныхъ интересахъ замѣчается постепенный переходъ отъ общелитературныхъ, журнальныхъ и беллетристическихъ элементовъ къ научнымъ. Въ пользу расширенія и углубленія научныхъ стремленій дѣйствовали двѣ причины: природныя наклонности Я. К. и характеръ служебныхъ занятій его, какъ профессора въ университетѣ. Въ одномъ изъ писемъ къ Плетневу (2 мая 1847) онъ выражаетъ сожалѣніе, что полученное имъ воспитаніе не соотвѣтствуетъ назначенію писателя: «Если бы я рано попалъ въ руки хорошихъ наставниковъ и потомъ, получивъ

1) Переписка, II, с. 937—942.

2) Вышло 3 изданіе: Стихи и проза для дѣтскаго возраста. Спб. 1903.

основательное элементарное образованіе, поступилъ въ какой-нибудь, германскій напримѣръ, университетъ, тогда я могъ бы теперь быть писателемъ. Но вмѣсто того, я началъ учиться собственно только съ того времени, когда другіе кончаютъ, да и то почти на перекоръ обстоятельствамъ, безпрестанно принужденный побѣждать различныя препятствія»; поэтому онъ вовсе не хочетъ думать о «творчествѣ»[1]), и въ одномъ изъ послѣдующихъ писемъ (8 ноября 1847) говоритъ даже: «Я рѣшительно теряю охоту быть авторомъ, и мнѣ кажется, что все, что я ни пишу, такъ сухо и ничтожно»[2]). Однако вскорѣ это временное ослабленіе авторскихъ стремленій проходитъ, и Гротъ пишетъ своему другу съ совершенной откровенностью: «Я, правду сказать, былъ бы дуракомъ, если бъ исполнилъ свое намѣреніе» [т. е. не писать][3]), но, прислушиваясь къ голосу преобладающихъ стремленій своей природы, обращаетъ свое писательство уже на вопросы науки.

Поприще научныхъ интересовъ, о которыхъ Я. К. началъ серьезно думать и на пользу которыхъ хотѣлъ работать не по одной только связи ихъ со своими преподавательскими обязанностями, какъ это было раньше, представлялась ему весьма обширнымъ. Въ 1845 году (29 сентября) онъ пишетъ Плетневу: «Духъ человѣческій, внутренняя жизнь — вотъ что въ моихъ глазахъ всего интереснѣе. Исторія, философія, критика и сумма всего — поэзія, вотъ море, въ которое я хочу погрузиться», а черезъ годъ (30 ноября 1846), выключая «поэзію», выражается уже болѣе опредѣленно: «Въ послѣднее время было во мнѣ сильное броженіе мыслей, чтобы рѣшить, чему посвятить себя преимущественно изъ предметовъ, которыми я долженъ заниматься. Тутъ были съ споръ: филологія, исторія политическая, исторія литературы и статистика»[4]). Но и этотъ кругъ вскорѣ суживается, сосредоточиваясь преимущественно на филологіи и исто-

1) Переписка, III, с. 64.
2) Тамъ же, III, с. 146. 148.
3) Тамъ же, III, с. 150.
4) Тамъ же, II, с. 572. 862.

ріи литературы. По XVIII вѣку, кромѣ упомянутыхъ уже работъ вокругъ Державина и Екатерины II, онъ въ 1846 году составляетъ «указатель русской исторіи и литературы XVIII вѣка» — не для печати, а лишь какъ пособіе для своихъ «историческо-литературныхъ» работъ[1]), серьезно изучаетъ литературную дѣятельность М. Н. Муравьева[2]), а въ 1849 году обнаруживаетъ напряженный интересъ къ историческому изученію Пушкина, засыпая Плетнева въ своихъ письмахъ разнаго рода вопросами и справками[3]). Плетневъ охотно даетъ требуемыя справки и отвѣчаетъ на всѣ вопросы Я. К., выражая убѣжденіе, что тотъ, принявъ эти «сокровища», «оправитъ ихъ въ золото» своей историко-литературной обработки[4]). Столь же опредѣленно растетъ интересъ Грота и къ чисто филологическимъ вопросамъ. Въ 1845 году (28 марта) онъ пишетъ Плетневу: «Теперь меня очень занимаетъ филологія; я въ ней нашелъ новую интересную сторону и обширное поле для открытій; я записываю всякую новую идею, которая у меня родится», но въ области русской филологіи онъ остается пока подъ вліяніемъ трудовъ Г. П. Павскаго, котораго тщательно изучаетъ[5]); нѣсколько позднѣе особенное вліяніе на расширеніе филологическихъ интересовъ и познаній Грота оказываетъ К. А. Коссовичъ, тогда еще скромный гимназическій учитель въ Москвѣ, съ величайшимъ радушіемъ сопровождавшій Я. К. въ 1849 году по Москвѣ и ея окрестностямъ, усердно обучавшій его греческому языку какъ грамматически, такъ и на чтеніи Гомеровой Иліады и впослѣдствіи вступившій съ нимъ въ ученую переписку[6]).

---

1) Переписка, II, с. 664.
2) Тамъ же, II, с. 612. 668. 670.
3) Тамъ же, III, с. 401—402. 409. 412.
4) Тамъ же, III, с. 414.
5) Тамъ же, II, с. 433.
6) Тамъ же, III, с. 744—746. 748—751.

3.

Переѣздъ въ Петербургъ. — Служба въ Лицеѣ и при Дворѣ. — Избраніе въ Академію Наукъ. — Научные труды въ области русской филологіи: Филологическія разысканія, Русское правописаніе, Академическій Словарь. — Работы по исторіи русской литературы XVIII и XIX вв. — Изданіе сочиненій Державина; изслѣдованія о Пушкинѣ. — Труды по русской исторіи и по вопросамъ общественнымъ. — Общее заключеніе.

Въ концѣ 1852 года въ жизни Я. К. подошли обстоятельства, давшія ему возможность оставить «чуждую» ему «среду финской жизни», въ которой, по его собственному признанію, онъ «чувствовалъ себя одинокимъ». Не смотря на всѣ наилучшія условія для сближенія съ представителями науки и литературы въ Финляндіи, жизнь эта обращалась къ Гроту и оборотной своей стороной. Ревностно обучая русскому языку финляндское юношество въ университетѣ, Я. К., не смотря на всю свою сдержанность и безукоризненную корректность, испытывалъ по дѣламъ своихъ преподавательскихъ обязанностей тренія и въ университетскомъ совѣтѣ, и на экзаменахъ, и на лекціяхъ; дѣло доходило даже до неоднократнаго выбитія оконныхъ стеколъ въ его квартирѣ, при чемъ виновные не были найдены. Зная характеръ Я. К., нѣтъ необходимости прибавлять, что во всѣхъ этихъ случаяхъ, стоя на стражѣ честнаго выполненія принятыхъ на себя обязанностей, онъ долженъ былъ испытывать тяжелыя нравственныя ощущенія и, послѣ 12-лѣтняго пребыванія въ Гельсингфорсѣ, не могъ не желать возвращенія въ родную ему русскую среду. При этомъ душевномъ настроеніи, особенно послѣ смерти матери осенью 1852 года, Я. К. охотно принялъ два обращенныя къ нему изъ Петербурга предложенія — занять каѳедру русской словесности въ родномъ ему Лицеѣ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, взять на себя обученіе русскому языку, всеобщей и русской исторіи, географіи и нѣмецкому языку двухъ великихъ князей Николая и Александра Александровичей, сыновей Наслѣдника престола. Въ предоставленіи послѣдней должности Я. К. рѣшающее содѣйствіе оказалъ Плетневъ, который, лишившись передъ тѣмъ единственной люби-

мой своей дочери, особенно желалъ переѣзда своего друга въ Петербургъ. Этотъ переѣздъ совершился въ январѣ 1853 года.

Я не имѣю въ виду касаться здѣсь ни профессорской службы Я. К. въ Лицеѣ, продолжавшейся до 1862 года, ни его обязанностей въ качествѣ наставника при великихъ князьяхъ. Самъ Я. К. въ своей автобіографіи сообщаетъ, что, за неимѣніемъ хорошихъ учебниковъ, онъ для каждаго изъ своихъ августѣйшихъ питомцевъ, сообразно со степенью ихъ развитія и знаній, составлялъ записки по всѣмъ предметамъ и, кромѣ того, для двухъ старшихъ классовъ Лицея составлялъ особый курсъ русской литературы [1]). Служба Я. К. при великихъ князьяхъ окончилась въ сентябрѣ 1859 года, и здѣсь умѣстно упомянуть о литературномъ трудѣ Я. К., который онъ вручилъ старшему изъ своихъ царственныхъ воспитанниковъ при прощаньи: это—«Мысли, посвященныя Государю Наслѣднику Цесаревичу Николаю Александровичу въ день его совершеннолѣтія» (8 сентября 1859). Онѣ начинаются «Молитвой Цесаревича» и затѣмъ трактуютъ объ обязанностяхъ его высокаго положенія, затрогиваютъ темы о быстро «летящемъ времени», о «правдивости», о русской исторіи, о любви народа къ монарху, о томъ, какъ пріобрѣтается всеобщая любовь и какъ «узнается правда» [2]). Въ этомъ замѣчательномъ трактатѣ, написанномъ удивительно просто, сердечно и вмѣстѣ съ тѣмъ весьма серьезно, выразилась вся полнота высокаго моральнаго содержанія и настроенія Я. К., его нелицемѣрная, истинно свободная и безупречная нравственная природа, роднящая его по духу со своимъ знаменитымъ предшественникомъ на томъ же поприщѣ — В. А. Жуковскимъ, къ которому еще въ 1839 году, только что выступая на литературное поприще, обратился онъ съ восторженнымъ посланіемъ: здѣсь онъ благодарилъ Жуковскаго за «мудрый совѣтъ» (по поводу перевода «Фритіофа») и далъ «обѣтъ» закалить свою душу «въ трудѣ суровомъ», только

1) Я. К. Гротъ, с. 43—44.
2) Я. К. Гротъ, с. 145—164.

въ немъ искать себѣ награды и чуждаться «суетности»[1]). Осуществленіе этого «обѣта», ознаменованное всей жизнью Я. К., нашло себѣ полное выраженіе и завершеніе въ его многолѣтней и неутомимой научной работѣ, къ которой онъ получилъ свободный доступъ въ 1855 году, избранный, по предложенію П. А. Плетнева, въ составъ II Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ.

Съ переѣздомъ Я. К. въ Петербургъ начинается второй и послѣдній періодъ его жизни, продолжавшійся цѣлыхъ сорокъ лѣтъ (вплоть до его кончины 24 мая 1893 года), въ которыя Я. К. совершилъ огромное количество научно-литературныхъ работъ, сдѣлавшихъ его имя навсегда памятнымъ въ лѣтописяхъ русской науки. Если въ предшествующій, финляндскій, періодъ жизни Гротъ отдаетъ себя преимущественно преподаванію, поэзіи и журналистикѣ, а въ наукѣ, какъ онъ самъ не разъ признавался Плетневу, лишь «учится» и дѣлаетъ первые шаги, то въ петербургскій періодъ онъ выступаетъ мастеромъ своего дѣла, и изъ-подъ его пера выходятъ образцовые труды высокаго научнаго значенія.

Впрочемъ, первые годы пребыванія въ Петербургѣ Гротъ могъ работать въ научной области лишь урывками и весьма немного: въ 1853 и 1854 годахъ имъ не было ничего или почти ничего напечатано; полное объясненіе этому находимъ мы въ напряженныхъ преподавательскихъ трудахъ Я. К. во дворцѣ и въ лицеѣ, какъ онъ и самъ говоритъ объ этомъ въ своей автобіографіи[2]). Болѣе замѣтное оживленіе ученыхъ трудовъ Грота начинается съ 1858 года, а разцвѣтъ его дѣятельности падаетъ на цѣлую четверть вѣка — 60-ые, 70-ые и первую половину 80-хъ годовъ; со второй половины 80-хъ годовъ мы замѣчаемъ уже у Я. К. нѣкоторое утомленіе и ослабленіе его научно-писательской энергіи, однако не измѣнившей ему до конца; самая

1) Труды, V, с. 321. Болѣе подробно дѣятельность Я. К. при великихъ князьяхъ разсмотрѣна въ статьѣ Б. Б. Глинскаго: Наставникъ царскихъ дѣтей. Истор. Вѣстн. 1896, № 1, с. 230—266.

2) Я. К. Гротъ, с. 42—44.

смерть Я. К. застала его за корректурами Академическаго Словаря, обработкѣ котораго преимущественно отданы были имъ послѣдніе годы его жизни.

Я не имѣю возможности коснуться здѣсь въ подробностяхъ научной дѣятельности Грота за петербургскій періодъ; да это въ сущности было бы и не нужно, такъ какъ труды эти общеизвѣстны — и при томъ не однимъ только спеціалистамъ, но и болѣе широкимъ кругамъ русскаго общества: поэтому я брошу лишь самый бѣглый взглядъ на оставленное Я. К. богатое и разнообразное научно-литературное наслѣдство.

Любимѣйшей областью умственныхъ интересовъ Я. К. на всю жизнь осталась русская филологія, и онъ одинаково охотно, повидимому, отдавался изысканіямъ въ вопросахъ языка, какъ и литературы.

Начавши свои изслѣдованія надъ русской грамматикой еще въ 1847 году, онъ продолжалъ ихъ до самой смерти. Его спеціальныя наблюденія въ области фонетики («О нѣкоторыхъ особенностяхъ въ системѣ звуковъ русскаго языка» 1852; «Замѣтки о сущности нѣкоторыхъ звуковъ русскаго языка», 1878), слогоударенія («О русскомъ удареніи вообще и объ удареніи именъ существительныхъ», 1858—1885), глагольныхъ формъ («О спряженіи русскаго глагола и о важности въ немъ ударенія», 1853—1885; «О глаголахъ съ подвижнымъ удареніемъ», 1856) удерживаютъ и теперь все свое значеніе. Безъ его очерка о «Грамматикѣ» Ломоносова трудно обойтись изучающему дѣятельность великаго преобразователя нашего литературнаго языка. Весьма цѣнными являются очерки Грота по разнымъ вопросамъ русскаго правописанія и единственная въ своемъ родѣ исторія нашего правописанія со временъ Петра Великаго и до настоящаго времени, равно какъ далеко не устранены новыми изслѣдованіями статьи Грота о «народномъ и литературномъ языкѣ», гдѣ нашли себѣ мѣсто такіе очерки, какъ «Карамзинъ въ исторіи русскаго литературнаго языка» (1867) и исчерпывающая оцѣнка Толковаго Словаря В. И. Даля (1869). Эти и многіе другіе труды Я. К.

по теоретическимъ и историческимъ вопросамъ русскаго языка послѣпетровской эпохи были имъ соединены и нѣсколько разъ переработаны подъ именемъ «Филологическихъ Разысканій» (1873, 1876, 1885) и являются настольной книгой для русскаго филолога. — Обогащенный рѣдкимъ опытомъ въ вопросахъ русскаго правописанія, Я. К. въ началѣ 1885 года выступилъ, въ помощь педагогическому дѣлу, со своимъ «Русскимъ Правописаніемъ», которое, при всѣхъ спорныхъ сторонахъ своихъ, неизбѣжныхъ въ такомъ дѣлѣ, оказало существенную услугу русской школѣ, внеся въ хаосъ разнорѣчивыхъ сужденій и мнѣній по правописанію извѣстный порядокъ. Выдержавшее много изданій (при жизни Я. К. — 10, а теперь — 20), «Русское Правописаніе» Грота вызвало въ свое время большое движеніе въ научно-педагогическихъ кругахъ, и Я. К-чу пришлось еще немало поработать въ защиту своихъ взглядовъ, отвѣчая на многочисленныя обращенныя къ нему возраженія, замѣчанія и вопросы. Слѣдуетъ отмѣтить одну особенность Грота въ обсужденіи и рѣшеніи столь волновавшихъ тогда многихъ вопросовъ правописанія: постоянно оставаясь на научной почвѣ историко-этимологическаго принципа, онъ обнаруживалъ однако же полное вниманіе къ практическимъ потребностямъ школы и жизни, и въ спорахъ со своими противниками постоянно сохранялъ спокойную уравновѣшенность, отсутствіе педантства и необходимую твердость. Работой надъ «Русскимъ Правописаніемъ» Я. К. выполнилъ долгъ, который онъ признавалъ за собой, какъ научнымъ дѣятелемъ, обязаннымъ приходить обществу на помощь; онъ именно утверждалъ въ своихъ «Филологическихъ Разысканіяхъ», что «наука мало приноситъ пользы, когда она не снисходитъ къ потребностямъ общества, и что для ея распространенія необходимо стараніе самихъ ученыхъ упростить ея выводы и сдѣлать ихъ доступными для большинства»[1]). Изъ всѣхъ сочиненій Я. К. «Русское Правописаніе» всего болѣе содѣйствовало тому, чтобы имя его сдѣлалось

1) Труды, II, с. 274.

извѣстнымъ въ самыхъ широкихъ слояхъ русскаго общества: кто не знаетъ теперь, что значитъ «писать по Гроту»?

Послѣдніе годы своей жизни Я. К. посвятилъ преимущественно работамъ по Академическому Словарю русскаго языка. Этотъ вопросъ интересовалъ его еще въ первые годы по вступленіи въ Академію Наукъ, что видно изъ статей, опубликованныхъ имъ въ «Извѣстіяхъ II Отдѣленія Академіи Наукъ», 1858 и 1859, подъ заглавіемъ «Матеріалы для обсужденія вопроса о новомъ изданіи академическаго словаря». Къ этой работѣ Я. К. былъ какъ нельзя болѣе подготовленъ: превосходно обладая богатствомъ живого русскаго языка, хорошо знакомый съ предшествовавшими академическими работами по словарямъ какъ въ Россіи, такъ и за границей (особенно у шведовъ и нѣмцевъ), тщательно изучавшій областные словари разныхъ народностей, наконецъ—знатокъ исторіи русскаго литературнаго языка XVIII и XIX вв., Я. К., на восьмомъ десяткѣ лѣтъ съ увлеченіемъ принялся за это, по его собственнымъ словамъ, «дѣло особенно трудное, менѣе другихъ видное и благодарное, требующее значительнаго самоотверженія»[1]). И на этомъ дѣйствительно трудномъ пути, который онъ только началъ (два выпуска словаря вышли въ 1891—1892 годахъ) и конца котораго, по своему возрасту, не имѣлъ никакой надежды дождаться, онъ также, какъ и при изданіи «Русскаго Правописанія», встрѣтилъ немало затрудненій и разочарованій: его особенно огорчали односторонность сужденій о первыхъ выпускахъ Словаря, указаніе на одни только промахи и недочеты[2]), хотя дѣло въ томъ видѣ, какъ оно было подготовлено и отчасти исполнено Я. К., имѣло полное право на болѣе справедливое отношеніе.

Въ области исторіи русской литературы главная заслуга Грота заключается въ изученіи писателей XVIII и первой половины XIX вѣка — Ломоносова, Сумарокова, Хемницера, Карам-

1) Труды, II, с. 43.
2) Я. К. Гротъ, с. 171.

зина, Жуковскаго, Крылова, Батюшкова. Превосходныя юбилейныя рѣчи его о нѣкоторыхъ изъ этихъ писателей въ 60-хъ годахъ прошлаго столѣтія были общественными событіями петербургской жизни того времени; причина ихъ успѣха, особенно рѣчи о Ломоносовѣ въ 1865 году[1]), заключалась не только въ историческомъ значеніи тѣхъ крупныхъ лицъ, которымъ онѣ были посвящены, но и въ глубокомъ научномъ освѣщеніи и въ мастерскомъ изложеніи Я. К.; онѣ представляли собою обыкновенно результатъ всесторонняго изученія ораторомъ своего предмета, при чемъ Я. К. всегда стремился внести въ кругъ своего наблюденія и анализа не использованный до него рукописный и архивный матеріалъ, что обезпечиваетъ за этими произведеніями, въ нѣкоторыхъ ихъ частяхъ, характеръ первоисточника. — Совершенно особое мѣсто среди трудовъ Я. К. по исторіи русской литературы XVIII и XIX вв. занимаютъ тѣ, которые посвящены Державину. Державинымъ Я. К. началъ серьезно («не на шутку») заниматься еще въ 1844 году[2]), а по вступленіи въ Академію принялъ на себя научное изданіе всѣхъ сочиненій знаменитаго пѣвца Екатерины Великой. Изданіе это (въ девяти томахъ) закончено было лишь въ 1883 году, т. е. занимало научную мысль Грота въ теченіе почти цѣлыхъ четырехъ десятилѣтій — и въ результатѣ получилось вполнѣ классическое, исчерпывающее изданіе этого характернѣйшаго изъ писателей XVIII вѣка; вмѣстѣ съ обширной біографіей поэта, Гротовское изданіе сочиненій Державина является и вообще однимъ изъ главнѣйшихъ источниковъ для изученія нашей литературы и жизни той знаменательной эпохи.

Съ именемъ Пушкина, котораго Я. К. имѣлъ случай встрѣчать и лично[3]) и къ которому онъ «чувствовалъ съ самаго лицея настоящее благоговѣніе», онъ связанъ былъ мѣстомъ своего образованія. Какъ я уже отмѣтилъ, еще живя въ Гельсингфорсѣ, онъ,

1) Переписка, III, с. 697—699.
2) Тамъ же, II, с. 280.
3) Я. К. Гротъ, с. 20—21

пользуясь былой близостью великаго поэта къ Плетневу, просилъ и получалъ отъ своего друга много цѣнныхъ сообщеній о Пушкинѣ; потомъ онъ сталъ изучать его исторически, и къ 50-лѣтію со дня смерти Пушкина (1887), непосредственное впечатлѣніе отъ которой онъ пережилъ нѣкогда со всей горячностью юношескаго чувства, объединилъ свои работы о немъ въ чрезвычайно цѣнный сборникъ «Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники»; эта книга Грота, состоящая изъ цѣлаго ряда небольшихъ монографическихъ изслѣдованій или сообщеній о Пушкинѣ по разнымъ вопросамъ его жизни и творчества, составленная большею частію на основаніи первоисточниковъ, навсегда останется важнымъ вкладомъ въ богатую Пушкинскую литературу; вмѣстѣ съ тѣмъ, она является какъ бы памятникомъ, воздвигнутымъ Я. К-чемъ тому учебному заведенію, въ которомъ онъ получилъ первыя побужденія и любовь къ литературнымъ занятіямъ[1]).

На другихъ историко-литературныхъ работахъ Грота (о П. А. Плетневѣ, князѣ П. А. Вяземскомъ, И. И. Козловѣ), равно какъ и на очеркахъ его, посвященныхъ дѣятелямъ науки (А. Х. Востоковъ, И. И. Срезневскій, П. П. Пекарскій и др.) я останавливаться уже не буду, но не могу обойти молчаніемъ двухъ выступленій Я. К., гдѣ ему пришлось выразить свое отношеніе къ тѣмъ теченіямъ нашей литературы и публицистики въ 60-хъ годахъ, съ которыми онъ не могъ вполнѣ гармонировать ни по своему характеру, ни по усвоеннымъ имъ литературнымъ преданіямъ прошлаго. Одинъ разъ его затронулъ тонъ безыменной рецензіи «Современника» (1861, № 3) относительно Карамзина и Общества Любителей Россійской Словесности, при чемъ задѣта была и Академія Наукъ; Я. К. нашелъ нужнымъ дать отпоръ этимъ сужденіямъ, вытекавшимъ изъ источника слишкомъ узкаго и односторонняго[2]).

1) Интересъ Грота къ Лицею и особенно къ эпохѣ пребыванія тамъ Пушкина нашелъ себѣ выраженіе и въ тщательномъ собираніи Я. К-чемъ разнаго рода относящихся сюда матеріаловъ, которые были изданы уже послѣ его смерти: К. Я. Гротъ. Пушкинскій Лицей (1811—1817). Бумаги I курса, собранныя академикомъ Я. К. Гротомъ. Спб. 1911.

2) Труды, III, с. 436—438.

Въ другой разъ (1861) онъ горячо вступился за историческую цѣнность литературной дѣятельности Державина и Жуковскаго, которую съ точки зрѣнія современныхъ воззрѣній, порицали нѣкоторые писатели «молодого поколѣнія»; при этомъ, Я. К. воспользовался случаемъ очистить память Бѣлинскаго, съ мнѣніями котораго новѣйшіе «отрицатели» устанавливали свою преемственную связь [1]). Вообще же Я. К. былъ совершенно свободенъ отъ той слѣпоты, съ которой многіе въ ту пору представители поколѣнія «отцовъ» не понимали и огуломъ отвергали стремленія «дѣтей»; литература въ «народническомъ» духѣ, если она отличалась дѣйствительными достоинствами, вызывала его полное сочувствіе: напр., онъ искренно восхищался поэзіей И. С. Никитина [2]).

Подобно языку и литературѣ, ученую мысль Грота привлекала къ себѣ также и исторія. Однако историческія занятія Я. К., поскольку они выразились въ печати, играли болѣе или менѣе служебную роль примѣнительно къ главнымъ отраслямъ его научныхъ интересовъ. Такъ, съ одной стороны, углубившись въ скандинавско-финскій міръ, онъ въ разное время обращался къ разработкѣ такихъ темъ изъ русской исторіи, какъ «норманскій вопросъ» (1860), Орѣховецкій договоръ (1877), Катошихинъ (1882). Въ 1872 году, по случаю 200-лѣтняго юбилея со дня рожденія Петра Великаго, онъ произнесъ въ Академіи Наукъ рѣчь о «Петрѣ Великомъ, какъ просвѣтителѣ Россіи», а нѣсколько позднѣе выразилъ свой интересъ и къ вопросу о «происхожденіи императрицы Екатерины I» (1878). Съ другой стороны, по связи съ работами надъ Державинымъ, Гротъ много вниманія отдалъ личности императрицы Екатерины II, которая является главнѣйшимъ центромъ его историческихъ интересовъ. Статьи Грота о воспитаніи Екатерины II (1875), объ отношеніяхъ ея къ Густаву III (1876—1878), особенно же разработка и опубликованіе переписки ея съ Гриммомъ еще на долгое время должны будутъ

1) Тамъ же, III, с. 354—362.
2) Тамъ же, III, с. 366—392.

удержать свое значеніе въ нашей исторической литературѣ цѣнностью сообщенныхъ тутъ новыхъ данныхъ и тщательной ихъ обработкой. Заслугой Грота остается также опубликованіе бумагъ Кара и Бибикова, переписки Екатерины II съ П. И. Панинымъ и другихъ документовъ по исторіи Пугачевскаго бунта.

Наконецъ, въ общей суммѣ плодовъ учено-литературной мысли Грота должны занять свое мѣсто и многочисленныя выступленія его по вопросамъ и поводамъ педагогическимъ и общественнымъ. Обладая разностороннимъ умомъ, живой воспріимчивостью и постояннымъ стремленіемъ работать на общую пользу, онъ пишетъ и говоритъ публично то о «русской журналистикѣ» и о «провинціальной печати», то «о значеніи идеаловъ въ воспитаніи», «о классическомъ образованіи», «объ университетскомъ образованіи», котораго, въ его широкой и свободной постановкѣ, онъ былъ истиннымъ поклонникомъ и сторонникомъ; по разнымъ случаямъ онъ пишетъ и о «гимнастикѣ въ Петербургѣ», и о «народномъ лѣчебникѣ», и о «пьянствѣ и его послѣдствіяхъ». Рѣчи и привѣтствія Грота, обращенныя имъ по разнымъ поводамъ то къ товарищамъ по служенію литературѣ и наукѣ, то къ своимъ лицейскимъ питомцамъ, всегда содержательны, задушевны и по мѣстамъ остроумны [1]).

Таковы въ общихъ чертахъ и въ самой краткой характеристикѣ литературные и ученые труды академика Я. К. Грота. Подведемъ итоги.

Собственно-литературной дѣятельности, въ стихахъ и прозѣ, Я. К. посвятилъ, если не считать лицейскихъ упражненій, приблизительно первыя 10—11 лѣтъ своей учено-литературной жизни (1838—1848), падающихъ главнымъ образомъ на финляндскій періодъ, а остальныя 45 лѣтъ пошли на научную работу. Уже изъ этого одного ясно, что въ Я. К-чѣ мы должны видѣть главнѣйшимъ образомъ ученаго дѣятеля, во время опредѣлившаго

1) Труды, V, с. 133—286.

свои природныя наклонности и слѣдовавшаго имъ съ удивительнымъ постоянствомъ и неослабнымъ напряженіемъ силъ.

О задачахъ литературной дѣятельности Я. К. съ раннихъ юношескихъ лѣтъ имѣлъ самое высокое понятіе. Въ одномъ изъ своихъ лицейскихъ «упражненій» (1830) «Объ истинныхъ достоинствахъ писателя» онъ выразился такъ: «Быть истолкователемъ нравственности и добродѣтели — вотъ истинная возвышенная цѣль сочиненія... Не зная ни лжи, ни лести, писатель, соединяющій съ чувствительностью высокое образованіе и нѣжный вкусъ, восторжествуетъ надъ всѣми преградами, полагаемыми ему завистью и клеветою, и можетъ быть увѣренъ, что труды, посвященные благу отечества, не останутся безполезными: съ именемъ автора они передадутъ потомству образецъ добродѣтели, достойный славы и подражанія»[1]). Десять лѣтъ спустя, живя уже въ Гельсингфорсѣ и получивъ, по тамошнему обычаю, въ канунъ Рождества 1840 года въ подарокъ отъ неизвѣстнаго серебряное перо, Я. К. написалъ по этому поводу стихотвореніе, въ которомъ, принимая этотъ символъ своего призванія и дѣятельности, далъ такой обѣтъ:

Я передъ Ангеломъ благимъ
Добру и правдѣ обѣщаю
Всегда служить перомъ моимъ!
И если я обѣтъ нарушу,
И если низости змѣя
Когда-нибудь вползетъ мнѣ въ душу
И развратится рѣчь моя,
Пускай мой бѣлый гость обратно
Къ тебѣ умчится, помрачась...[2])

Умирая, Я. К. имѣлъ полное право, съ чувствомъ глубокаго нравственнаго удовлетворенія, вспомнить, что этотъ торжествен-

1) К. Я. Гротъ. Пушкинскій Лицей, с. 441.
2) Стих. «Перо»: Труды, V, с. 326.

ный «обѣтъ» имъ никогда не былъ нарушенъ: онъ дѣйствительно всю жизнь честно служилъ добру и правдѣ, избравъ орудіемъ этого служенія литературу и науку. Въ литературѣ Я. К., какъ вѣрно сказалъ объ этомъ въ одномъ письмѣ къ нему Плетневъ (3 апрѣля 1846), принадлежалъ къ той «идеально-прекрасной» школѣ, начала которой заложены были Карамзинымъ, Жуковскимъ и Батюшковымъ[1]). Служеніе всему доброму, высокому и прекрасному — есть девизъ въ томъ скромномъ уголкѣ поэтическихъ и литературныхъ созерцаній и чувствованій, куда уходилъ Я. К. въ пору своей юности, и даже Пушкинъ, со своими глубокими общественными мотивами, не могъ вполнѣ гармонировать въ душѣ Грота-писателя съ этимъ нѣсколько съуженнымъ, но твердо усвоеннымъ созерцательно-идеалистическимъ настроеніемъ. Чувствуя это и не видя въ себѣ большого поэтическаго дарованія, которое бы могло идти своимъ путемъ, Я. К. перешелъ къ наукѣ.

Здѣсь, будучи въ извѣстномъ смыслѣ самоучкой и не получивъ опредѣленной научной «школы», какъ на это и самъ онъ не разъ указывалъ, Я. К., благодаря своимъ природнымъ талантамъ и рѣдкой настойчивости въ работѣ, сдѣлалъ очень многое. Ради «правды», которую такъ высоко и впереди всего ставилъ самъ Я. К., слѣдуетъ признать, что собственно филологическіе труды его (по языку) не вездѣ носятъ въ себѣ элементы настоящей ученой изыскательности и строгаго метода. По его собственному признанію, онъ въ этой области «всегда по чутью слѣдовалъ тѣмъ началамъ, которыя многіе почерпаютъ только изъ книгъ»[2]); исторіей русскаго языка до Петра Великаго занимался онъ очень мало, а церковно-славянскій языкъ и славянскія нарѣчія изучалъ лишь въ общихъ чертахъ и болѣе практически — уже въ Гельсингфорсѣ, между другими дѣлами; вслѣдствіе этого, его наблюденія и соображенія въ области русской грамматики имѣли болѣе

1) Переписка, II, с. 721.
2) Я. К. Гротъ, с. 38.

практическій, чѣмъ ученый характеръ, а «Филологическія Разысканія» не имѣютъ качествъ цѣльнаго труда, написаннаго по опредѣленному плану, хотя это обстоятельство и не мѣшаетъ имъ занимать въ исторіи русской филологіи весьма почетное мѣсто. Гораздо въ меньшей степени, по самому существу дѣла отразился недостатокъ научной школы у Грота на его работахъ въ области исторіи русской литературы и отчасти русской исторіи: тутъ Я. К. могъ удобнѣе восполнить недостающее и самъ, давши впослѣдствіи по изученію русской литературы XVIII в. образцовые и капитальные труды, составляющіе украшеніе русской науки.

Научныя работы Я. К., большія и малыя, имѣютъ одну общую черту — законченность, согласно намѣреніямъ автора, положеннымъ въ ихъ основаніе. Поскольку вообще въ научныхъ трудахъ такого рода, какіе созданы были Гротомъ, можетъ отражаться личный духовный обликъ ихъ автора, можно сказать, что указанная особенность была именно присущей характеру Я. К. и какъ человѣка. Это была дѣйствительно, во всѣхъ своихъ частяхъ, законченная духовная личность, прошедшая черезъ горнило колебаній, самонаблюденія, глубокаго внутренняго самоанализа. Постоянно и неизмѣнно стремясь къ возможному нравственному и вообще духовному совершенству, строгій къ себѣ, Гротъ и въ своихъ литературныхъ и научныхъ трудахъ былъ стойкимъ служителемъ правды и изыскателемъ истины. Ученые и литературные труды Грота, въ связи съ благородными чертами его личности, еще съ молодыхъ лѣтъ стремившейся къ усвоенію «мудрости, основанной на религіи и нравственности»[1]), на долгое время должны сохранить свое значеніе, какъ выдающійся памятникъ напряженной работы мысли и благороднѣйшей душевной организаціи.

---

1) Переписка, III, с. 150.

Очеркъ личности и дѣятельности Я. К. Грота.

П. О. Морозова.

Всякій разъ, когда приходится, по тому или иному поводу, вспоминать о дѣятельности лица, уже отошедшаго въ исторію, невольно является мысль о томъ, что эта дѣятельность, помимо своего общаго и, такъ сказать, отвлеченнаго достоинства, имѣла еще и большое реальное, жизненное значеніе. Наряду съ нашимъ представленіемъ о дѣятелѣ всегда становится живой образъ человѣка, съ тѣми особыми чертами характера, убѣжденій и нравственныхъ понятій, которыми его личность выдѣлялась изъ среды, ее окружавшей.

Съ этой точки зрѣнія глубокій интересъ и высокій нравственный урокъ представляетъ долголѣтняя жизнь Я. К. Грота, замѣчательная своею неуклонною послѣдовательностью, освѣщенная и согрѣтая до конца не угасавшею любовью къ труду на пользу русскаго слова, литературы, исторіи, — жизнь кристально-чистой и свѣтлой души, наполненной ничѣмъ не возмущаемымъ стремленіемъ къ истинѣ и добру. Она протекала не широкой, но глубоко захватившей интересы нашей литературы и науки рѣкой, ровное теченіе которой никогда не уклонялось въ сторону чуждыхъ этимъ интересамъ разсчетовъ и стремленій. «Служеніе наукѣ даже въ академической кельѣ — дѣло не легкое», говорилъ академикъ А. Н. Веселовскій по поводу 50-лѣтняго юбилея Якова Карловича: «снаружи доносится пѣсня Ме-

Фистофеля, зовущаго къ златому тельцу, и міръ пытается облобызать правду, посягая на ея чистоту. Чтобы соблюсти ее, надо было не только принести, но и твердо сохранить» — тотъ обѣтъ всегдашняго служенія добру и правдѣ, который былъ данъ Яковомъ Карловичемъ еще въ молодости и которому онъ нерушимо слѣдовалъ до послѣдняго своего дня. Прослѣдить эту жизнь отъ начала до конца, войти во внутренній міръ этого неутомимаго подвижника науки и изучить затѣмъ внѣшнія проявленія его мысли и чувства — вотъ та, въ высшей степени благодарная и, безспорно, имѣющая весьма серьезное воспитательное значеніе задача, которая предстоитъ еще будущему его біографу. Въ настоящемъ собраніи, посвященномъ воспоминанію о трудахъ и заслугахъ академика Грота на поприщѣ родной намъ науки, я желалъ бы только, въ самомъ короткомъ очеркѣ, уловить и передать, въ связи съ главными фактами его дѣятельности, тѣ живыя черты его личности, которыя производятъ такое сильное, неизгладимое впечатлѣніе при знакомствѣ съ біографическимъ матеріаломъ, и нынѣ уже довольно обширнымъ.

Яковъ Карловичъ былъ въ полномъ смыслѣ слова тѣмъ, что англичане называютъ a self-made man: всѣмъ, чѣмъ онъ сталъ въ жизни, онъ былъ обязанъ исключительно самому себѣ, удивительной цѣльности своей натуры, несокрушимой силѣ и стойкости своихъ убѣжденій и той неустанной работѣ надъ самимъ собою, которую онъ всегда горячо проповѣдывалъ и живымъ примѣромъ которой всегда служилъ.

Онъ родился въ достопамятный годъ русской славы и въ знаменательный день 15 декабря, считающійся днемъ окончательнаго изгнанія непріятеля изъ предѣловъ русской земли. Семья, къ которой онъ принадлежалъ, была семьею скромнаго чиновника, нѣмца родомъ и лютеранина по вѣрѣ, но уже въ значительной степени обрусѣвшаго и считавшаго необходимымъ, чтобы первымъ языкомъ его дѣтей былъ языкъ русскій. Въ раннемъ дѣтствѣ лишившись отца, будущій академикъ былъ воспитанъ своею матерью, которая, оставшись вдовою съ тремя дѣтьми,

приняла твердое рѣшеніе жить только для нихъ и всецѣло отдалась заботамъ о нихъ. Хотя и нѣмка по происхожденію, она любила все русское, считала Россію единственнымъ своимъ отечествомъ и воспитала дѣтей въ любви къ русскому языку и народу, въ привязанности и благодарности къ Россіи. Ребенокъ очень живой, рѣзвый и впечатлительный, отличавшійся, вмѣстѣ съ тѣмъ, нѣжностью и чувствительностью, росъ подъ крыломъ горячо его любившей и не менѣе горячо имъ любимой матери. Міръ, окружавшій его въ дѣтствѣ, былъ, по его собственному позднѣйшему замѣчанію, «тѣсенъ и однообразенъ». На учителей онъ въ раннемъ возрастѣ не былъ счастливъ, и потому былъ вообще недостаточно развитъ. Эту относительную медленность своего умственнаго роста онъ приписывалъ, главнымъ образомъ, тому, что находился исключительно въ женскихъ рукахъ, подъ руководствомъ матери и старушки-тетки, которая нѣжно его любила и учила французскому языку. Наряду съ французскимъ, ребенокъ, незамѣтно для самого себя, въ семейномъ кругу, усвоилъ также и нѣмецкій языкъ, но по части наукъ не отличался въ ту пору познаніями. Ему только что минуло десять лѣтъ, когда матери удалось помѣстить его, на казенный счетъ, въ Царскосельскій лицейскій пансіонъ. Тамъ онъ скоро пріобрѣлъ репутацію отличнаго ученика, которой уже и не терялъ до самаго окончанія своего учебнаго курса. Въ августѣ 1826 года Яковъ Карловичъ былъ переведенъ въ лицей, гдѣ и кончилъ курсъ въ 1832 году, первымъ ученикомъ и съ золотою медалью. «Вышелъ я изъ лицея», говоритъ онъ въ своемъ автобіографическомъ очеркѣ, — «съ меньшими познаніями, нежели могло бы быть, еслибъ могли дать лучшее и болѣе серьезное направленіе моей любознательности и еслибъ самое преподаваніе по нѣкоторымъ предметамъ сообщало болѣе точныя, ясныя, полныя и основательныя свѣдѣнія. Надобно отдать справедливость тамошнимъ моимъ наставникамъ: всѣ они, за исключеніемъ двухъ или трехъ, очень плохо понимали и цѣль свою, и средства, которыя надобно было употреблять при обученіи... Недостатокъ основательнаго

обученія вознаграждали мы въ нѣкоторой мѣрѣ свободнымъ чтеніемъ». Дѣйствительно, мы знаемъ, что большинство лицеистовъ живо сочувствовали тогдашней русской литературѣ и съ жадностью читали всѣ крупныя новинки тотчасъ по выходѣ ихъ въ свѣтъ; слѣдили также и за періодическою печатью. «Трудно описать», говоритъ Яковъ Карловичъ, «ту свѣжесть и пріятность впечатлѣній, которую доставляла намъ всякая литературная новость, отвѣчавшая потребности молодой души въ эстетическихъ наслажденіяхъ...». Уже въ юношескіе годы, сознавая недостаточность своего образованія, будущій ученый съ увлеченіемъ старался пополнять эти пробѣлы и, между прочимъ, усердно занялся изученіемъ итальянскаго языка, которымъ вскорѣ успѣлъ овладѣть настолько, что написалъ на этомъ языкѣ особое сочиненіе по теоріи глаголовъ. Кромѣ обильнаго чтенія, онъ уже въ лицеѣ сочинялъ стихи, особенно — юмористическіе, и издавалъ рукописные журналы, которые самъ же и переписывалъ. Не слѣдуетъ забывать, что въ пору его пребыванія въ лицеѣ, куда онъ поступилъ всего девять лѣтъ спустя послѣ выпуска Пушкина и Дельвига, преданія о недавнихъ «первенцахъ лицея» были еще очень живы и, естественно, имѣли большое вліяніе на младшее лицейское поколѣніе; любовь къ поэзіи и попытки стихотворства сдѣлались отличительными чертами тогдашнихъ лицеистовъ и поддерживались нѣкоторыми преподавателями, въ особенности — Кошанскимъ, этимъ «трезвымъ аристархомъ бакхическихъ посланій» Пушкина. Здѣсь, подъ вліяніемъ этихъ живыхъ воспоминаній о Пушкинѣ, развилось и окрѣпло то благоговѣйное чувство къ нашему великому поэту, которое Гротъ сохранилъ на всю свою жизнь. Онъ дорожилъ памятью о своихъ случайныхъ встрѣчахъ съ Пушкинымъ, съ которымъ юношеская застѣнчивость помѣшала ему познакомиться лично, и впослѣдствіи, въ пору своего профессорства въ Гельсингфорсѣ, началъ серьезное, систематическое изученіе его произведеній, а еще позже, уже въ годы старости, усердно занялся собираніемъ и разработкою преданій и документовъ, относящихся къ первому курсу лицея.

Пользуясь, въ одной стороны, обширнымъ знакомствомъ съ ветеранами лицея, а съ другой — глубокимъ уваженіемъ всѣхъ лицеистовъ, изъ которыхъ многіе были его слушателями, онъ собралъ обширный матеріалъ, сгруппированный въ извѣстной книгѣ: «Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники», которая является незамѣнимымъ пособіемъ для всѣхъ, изучающихъ Пушкина и первоначальный лицей. Къ этому слѣдуетъ еще прибавить, что именно по почину Якова Карловича въ 70-хъ годахъ была возобновлена почти совсѣмъ заглохшая всероссійская подписка на памятникъ поэту въ Москвѣ. Гротъ былъ душою образованнаго съ этою цѣлью комитета, и его энергичнымъ усиліямъ наше общество обязано сооруженіемъ этого памятника, открытаго въ 1880 году.

Такимъ образомъ, Яковъ Карловичъ еще въ ранней юности, на школьной скамьѣ, почувствовалъ то влеченіе къ литературнымъ занятіямъ, которое впослѣдствіи привело его на путь писателя и ученаго. Уже въ ту пору въ его воображеніи рисовался идеальный образъ писателя, всецѣло отдающагося подвигу добра и правды. Въ одномъ изъ школьныхъ его разсужденій, подъ заглавіемъ: «Объ истинныхъ достоинствахъ писателя», находимъ слѣдующія строки, очевидно — не заимствованныя, а подсказанныя внутреннимъ чувствомъ автора: «Не награду, даже не славу имѣетъ онъ въ виду, но единственно распространеніе царства истины и добродѣтели. Ежели во всю жизнь онъ не измѣнитъ симъ священнымъ правиламъ, тогда и самая могила не будетъ для него страшна: онъ обратитъ спокойный взглядъ на прошедшее, и если рука его никогда не употребляла во зло пера.... тогда онъ съ сладостнымъ утѣшеніемъ видитъ передъ собою будущность, видитъ потомство, готовое съ благодарностью произносить имя его, видитъ награду въ вѣчности...».

Съ такими мыслями и идеалами начиналъ свой самостоятельный путь будущій ученый, «горя мечтой о славномъ и великомъ». На первыхъ порахъ по окончаніи лицейскаго курса, недостаточность котораго онъ живо сознавалъ, его въ особенности занимало

усовершенствованіе своихъ знаній въ исторіи и латинскомъ языкѣ и изученіе еще неизвѣстныхъ ему новѣйшихъ языковъ, прежде всего — англійскаго, которымъ онъ овладѣлъ такъ же легко и скоро, какъ раньше — итальянскимъ. «Общественныя удовольствія», говоритъ онъ въ автобіографической запискѣ, — «имѣли для меня мало прелести, и я большую часть времени употреблялъ на чтеніе, или, вѣрнѣе, на ученіе. Мнѣ представлялись развлеченія, я могъ посѣщать театры и балы, но часто отказывался отъ этихъ удовольствій, а иногда, будучи уже въ театрѣ или на балѣ, чувствовалъ неодолимое влеченіе къ своимъ занятіямъ и бѣжалъ домой...». По собственной своей характеристикѣ, онъ былъ тогда

Судьбой ни въ чемъ не избалованъ,
Застѣнчивъ, даже нелюдимъ,
Но чутокъ сердцемъ молодымъ.

Влеченіе къ научнымъ занятіямъ и литературному труду чувствовалось тѣмъ сильнѣе, чѣмъ меньше удовлетворенія можно было ожидать отъ сухой и формальной канцелярской службы, начавшейся для него по выходѣ изъ лицея, еще раньше достиженія гражданскаго совершеннолѣтія. Прямо со школьной скамьи юноша попалъ въ канцелярію Комитета Министровъ, находившуюся въ то время подъ управленіемъ лицейскаго товарища Пушкина, барона М. А. Корфа, а черезъ два года, когда Корфъ былъ назначенъ государственнымъ секретаремъ, Яковъ Карловичъ былъ имъ переведенъ въ Государственную Канцелярію, гдѣ исполнялъ при своемъ начальникѣ секретарскія обязанности. Съ самаго же начала своей службы онъ почувствовалъ къ ней нерасположеніе. Дѣйствительно, здѣсь его занятія состояли почти исключительно въ перепискѣ бумагъ, которая, конечно, не могла дать никакой пищи ни для ума, ни для сердца чуткаго молодого человѣка. Потребность въ трудѣ болѣе производительномъ побудила его отдаться изученію жизни и поэзіи Байрона, изъ произведеній котораго Яковъ Карловичъ выбралъ для перевода поэму «Ма-

зепа», въ виду ея нѣкотораго отношенія къ русской исторіи. Едва окончивъ этотъ переводъ, исполненный очень удачно и хорошими, звучными стихами, онъ открылъ для своей любознательности новую, еще неизвѣстную ему область, — міръ скандинавскій. Посѣщая гимнастическое заведеніе шведа Паули, онъ имѣлъ случай узнать кое-что о шведской литературѣ и захотѣлъ научиться шведскому языку. Съ этою цѣлью онъ взялъ у Паули стихотворенія знаменитаго финляндскаго поэта Рунеберга и поэму Тегнера «Фритіофъ». Послѣдняя такъ увлекла его своимъ содержаніемъ, что онъ рѣшился перевести ее на русскій языкъ, и тогда же перевелъ стихами три пѣсни, но затѣмъ отложилъ этотъ переводъ до болѣе основательнаго знакомства съ шведскимъ языкомъ и скандинавскими древностями. Поѣздка въ Выборгъ и Гельсингфорсъ лѣтомъ 1837 г. пробудила въ немъ живой интересъ къ сосѣдней и мало извѣстной Финляндіи и заставила еще усерднѣе работать надъ новымъ предметомъ своихъ изученій. Дальнѣйшія поѣздки въ Гельсингфорсъ, въ 1838 и 1839 гг., еще болѣе сблизили Грота съ мѣстною жизнью и обществомъ. Онъ познакомился съ нѣкоторыми финляндскими учеными, съ поэтомъ Рунебергомъ, знаменитымъ собирателемъ памятниковъ финскаго народнаго эпоса Ленротомъ и др. и написалъ рядъ статей о финской и шведской литературѣ и исторіи. Нравы и образъ жизни въ Финляндіи, а также и характеръ ея жителей, имѣли въ его глазахъ много привлекательнаго.

Въ началѣ 1838 г. переводъ байроновскаго «Мазепы» былъ напечатанъ въ «Современникѣ» Плетнева. Съ этого времени Яковъ Карловичъ на многіе годы становится постояннымъ сотрудникомъ этого журнала, входитъ въ кругъ видныхъ тогдашнихъ литераторовъ и все больше и больше начинаетъ чувствовать потребность перемѣнить свое служебное поприще, уже сулившее ему въ ту пору блестящую карьеру, на научно-литературное. Дѣло дошло, наконецъ, до того, что самъ государственный секретарь обратилъ вниманіе на литературные труды своего молодого подчиненнаго, махнулъ рукой и сказалъ: «Пропалъ для

службы!» А молодой чиновникъ уже всей душой рвался прочь отъ канцелярскихъ журналовъ и меморій. «Послѣ выпуска», говоритъ онъ, «я долго продолжалъ быть мальчикомъ; но по мѣрѣ того, какъ служба болѣе и болѣе становилась мнѣ противною, а склонность къ наукѣ усиливалась,—разъяснялись въ этой борьбѣ понятія и пробуждалась жизнь сердечная... Я сталъ серьезно стремиться къ такому положенію, которое давало бы мнѣ возможность совершенно посвятить себя любимымъ занятіямъ и удалиться отъ сферы, гдѣ успѣхи часто зависятъ болѣе отъ извѣстной ловкости и нѣкоторой хитрости, чѣмъ отъ истинныхъ заслугъ и добросовѣстнаго исполненія обязанностей. Жить и дѣйствовать въ такой средѣ было мнѣ тяжело, и не разъ припоминался стихъ:

Служить бы радъ, — прислуживаться тошно!»

Рѣшеніе молодого чиновника окончательно и навсегда разстаться со службой ради науки и литературы было, помимо собственнаго твердаго убѣжденія въ необходимости этого шага, поддержано П. А. Плетневымъ, съ которымъ Яковъ Карловичъ съ перваго же знакомства очень близко сошелся. Одинъ изъ благороднѣйшихъ людей своего времени, Плетневъ не могъ не оцѣнить высокихъ нравственныхъ качествъ своего молодого сотрудника. Не смотря на 20-лѣтнюю разницу въ годахъ, ихъ соединяла общность убѣжденій и душевнаго строя. Плетневъ принялъ горячее, искреннее участіе въ судьбѣ и жизненныхъ планахъ Грота и на всю жизнь остался однимъ изъ самыхъ близкихъ его друзей. По рекомендаціи Жуковскаго, съ которымъ Плетневъ познакомилъ переводчика «Фритіофа», министръ статсъ-секретарь великаго княжества Финляндскаго графъ Ребиндеръ предложилъ Гроту мѣсто чиновника особыхъ порученій, съ тѣмъ, чтобы назначить его на вновь учреждавшуюся должность инспектора финляндскихъ училищъ по преподаванію русскаго языка, а потомъ, при первой возможности, доставить ему каѳедру русской словесности въ Александровскомъ университетѣ. Яковъ Карло-

вичъ охотно принялъ это предложеніе—и «перешелъ Рубиконъ», отдѣлявшій его отъ науки. «Бездушныя, тягостныя занятія, поглощавшія столько драгоцѣннаго времени и самымъ непріятнымъ образомъ прерывавшія духовное существованіе» Грота, были, наконецъ, оставлены. «Какъ часто въ минуты этихъ занятій», говоритъ онъ, «съ безпокойствомъ искалъ я способовъ освободиться отъ положенія, столь мучительнаго; какъ часто, доведенный до высшей степени раздраженія, бросалъ дѣло и долженъ былъ бѣжать изъ дому... какъ часто опять вооружался терпѣніемъ, покорялся необходимости, молился, мечталъ и надѣялся. Въ послѣднее время... началъ я свыкаться съ своею обязанностью; но едва мелькнула возможность приблизиться къ цѣли, какъ я весь запылалъ желаніемъ осуществить давнишнюю мечту мою, и съ жаркой молитвой простерся предъ Господомъ».

Дѣло не обошлось, однако, безъ нѣкоторой борьбы съ тогдашними общественными предразсудками. Вѣсть о поступкѣ Грота быстро разнеслась между его знакомыми. Всѣ были поражены, никакъ не могли понять, почему онъ рѣшается пожертвовать блестящею карьерою; разнесся даже слухъ, что онъ помѣшался... Словомъ, отчасти повторилась извѣстная исторія Чацкаго. «Мнѣ было тяжело являться въ обществѣ», говоритъ Яковъ Карловичъ: «вездѣ меня допрашивали о моемъ намѣреніи, выражали свое недоумѣніе, на что же я надѣюсь... (говорили), что въ нашемъ обществѣ званіе ученаго еще не пользуется достаточнымъ уваженіемъ...». Все это, однако, нисколько не смущало Грота: такъ сильно онъ чувствовалъ, что исполняетъ неотразимое велѣніе своей природы, и съ юношескою довѣрчивостью смотрѣлъ на будущее. «Свѣтъ удивляется моему выбору», говоритъ онъ. «Что же тутъ страннаго при общемъ направленіи вѣка, когда все счастье человѣка полагаютъ въ чинахъ, въ деньгахъ, во власти, въ блескѣ? Я поступилъ не по прихоти; я повиновался голосу, который ужь столько лѣтъ слышу въ груди моей. Не внѣшнихъ сокровищъ домогаюсь; хочу сокровищъ знанія, внутренняго мира, ищу истины и добра; хочу усладить вѣкъ

мой созерцаніемъ прекраснаго въ твореніи, изученіемъ лучшихъ произведеній духа человѣческаго; буду стараться и самъ создать что-нибудь достойное памяти... Молюсь только, чтобы Богъ всегда сохранилъ во мнѣ тѣ утѣшительныя чувства, то стремленіе къ нравственному совершенствованію, то презрѣніе къ пороку, которое Онъ, въ минуты моего унынія, вложилъ въ сердце мое...».

На порогѣ своей новой жизни будущій академикъ ставитъ себѣ завѣтъ, которому навсегда остается вѣрнымъ: «Пусть праздность и скука никогда не будутъ извѣстны мнѣ. Въ занятіяхъ моихъ я долженъ для этого наблюдать какъ можно болѣе разнообразія, долженъ начертать себѣ опредѣленный планъ и твердо, но безъ педантизма, слѣдовать ему».

Пусть будетъ скроменъ твой удѣлъ,
Пусть трудъ твой будетъ незамѣтенъ,—
Будь добръ, и вѣрь, что онъ не тщетенъ:
Не гибнетъ жатва чистыхъ дѣлъ!
Люби свой путь; гордись сознаньемъ,
Что въ строгой съ жизнію борьбѣ
Всегда ты вѣренъ былъ себѣ
И словомъ твердымъ, и молчаньемъ.

Переселеніе Якова Карловича въ Гельсингфорсъ совпало съ празднествами по случаю 200-лѣтняго юбилея Александровскаго университета. На эти празднества съѣхались депутаціи отъ русскихъ и иностранныхъ университетовъ, а также нѣкоторые извѣстные русскіе литераторы. Воспользовавшись этимъ случаемъ, Яковъ Карловичъ принялъ самое энергичное участіе въ дѣлѣ сближенія между собою русскихъ и финляндскихъ писателей. По его почину былъ устроенъ обѣдъ, на которомъ «встрѣтились какъ старые друзья сыны племенъ, когда-то враждовавшихъ», и рѣшено было въ память юбилея издать особый альманахъ, съ участіемъ тѣхъ и другихъ, на двухъ языкахъ — русскомъ и шведскомъ, подъ редакціей Грота. Сборникъ этотъ вышелъ въ 1842 году. Въ немъ Яковъ Карловичъ помѣстилъ, между про-

чимъ, превосходный, составленный по подлиннымъ документамъ и потребовавшій «бездну неимовѣрнаго труда» очеркъ исторіи Александровскаго университета. «Казалось», говоритъ по поводу изданія этой книги одинъ изъ видныхъ финляндскихъ дѣятелей, «наступило время настоящаго братскаго единенія въ будущемъ и сближенія между русскими и нашими литературными силами, или, скорѣе, пріобщенія нашей литературы къ русской. Но, вотъ, протекло съ тѣхъ поръ пятьдесятъ (а теперь уже семьдесятъ) лѣтъ, и альманахъ Грота остался одинокимъ явленіемъ, которому не замѣтно ни малѣйшихъ слѣдовъ подражанія...».

Послѣ юбилея въ университетѣ была учреждена каѳедра ординарнаго профессора русскаго языка, словесности и исторіи, и Гротъ получилъ, наконецъ, мѣсто, къ которому онъ такъ горячо стремился и такъ усердно готовился. Здѣсь его ученая и литературная дѣятельность развернулась во всю ширь, съ небывалою энергіею. Недаромъ говорилъ онъ впослѣдствіи, что Финляндія дала ему толчекъ, отъ котораго проснулось все, что спало въ его душѣ. Лекціи по тремъ предметамъ, часть которыхъ онъ долженъ былъ, по необходимости, читать на шведскомъ языкѣ, требовали напряженнаго труда и постояннаго упражненія въ этомъ языкѣ; а такъ какъ факультетскіе экзамены производились на латинскомъ языкѣ, то профессору пришлось усиленно работать, чтобы усовершенствоваться въ свободной латинской рѣчи. Кромѣ того, онъ прилежно изучалъ языки финскій и польскій, а впослѣдствіи — также и остальныя славянскія нарѣчія, и въ то же время печаталъ въ журналахъ статьи по русской и шведской исторіи и литературѣ, изслѣдованія по русскому языку, описанія своихъ путешествій по Финляндіи и переводы изъ шведскихъ поэтовъ, особенно — изъ Рунеберга. Въ 1841 г. вышелъ въ свѣтъ уже давно готовый переводъ тегнеровскаго «Фритіофа». «Сколько любви и жару, не говоря уже о трудѣ, положено на этотъ переводъ!» писалъ Яковъ Карловичъ Плетневу. «Едва ли я буду въ состояніи что-нибудь другое въ жизни сдѣлать съ такимъ пламеннымъ рвеніемъ, съ какимъ переводилъ

«Фритіофа». Мнѣ казалось, что какой-то невидимый геній принимаетъ особенное участіе въ моей работѣ, и что его радуетъ всякая побѣда надъ трудностями, которыя были въ самомъ дѣлѣ велики...».

Затѣмъ Яковъ Карловичъ занялся, по порученію статсъ-секретаріата, окончательной обработкой шведско-русскаго словаря, изданнаго въ 1846 и 1847 гг. Вмѣстѣ съ профессурой онъ не оставлялъ также и своихъ обязанностей по инспекціи преподаванія русскаго языка, и для этого ежегодно долженъ былъ объѣзжать половину среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній Финляндіи. Правильная постановка уроковъ русскаго языка въ мѣстныхъ школахъ была одною изъ насущныхъ его заботъ. «Профессорская моя должность, конечно, почетнѣе другой», писалъ онъ Плетневу, — «но та важнѣе для края. Какъ профессоръ, я ничего не могу сдѣлать, если не будетъ положено хорошаго основанія знанію русскаго языка и уваженія къ русской литературѣ. Вотъ почему я составленіе годныхъ учебниковъ для элементарныхъ заведеній считаю одною изъ моихъ существенныхъ обязанностей». Во второй половинѣ 40-хъ годовъ онъ напечаталъ на шведскомъ языкѣ первоначальный учебникъ русской грамматики и русскую исторію до Петра Великаго, а затѣмъ собралъ свои статьи въ прозѣ и стихахъ, печатавшіяся ранѣе въ дѣтскомъ журналѣ «Звѣздочка», и издалъ ихъ въ видѣ книги для чтенія въ школахъ, съ приложеніемъ небольшого русско-шведскаго словаря. Этотъ же сборникъ былъ напечатанъ, въ небольшомъ количествѣ экземпляровъ, и для русскихъ читателей, подъ заглавіемъ: «Литературные Опыты Я. Грота. Чтеніе для юношества» (Г:форсъ 1848). Эта книжка, перепзданная впослѣдствіи, уже въ 90-хъ годахъ, заслуживаетъ вниманія какъ потому, что ей принадлежитъ видное мѣсто въ нашей, еще очень бѣдной хорошими книгами, дѣтской литературѣ того времени, такъ, въ особенности, потому, что въ ней ярко отразился духовный міръ автора и его нравственныя понятія. «Въ дѣтствѣ воображеніе такъ живо, впечатлѣнія такъ сильны, что врѣзываются на всю

жизнь», писалъ онъ Плетневу, — «и все, что я теперь мараю, не что иное, какъ повтореніе собственныхъ ощущеній. Если въ моихъ дѣтскихъ статьяхъ есть какое-нибудь достоинство, то это — плодъ долговременной и сосредоточенной внутренней жизни, которая, то посреди внѣшнихъ препятствій, то при благопріятныхъ обстоятельствахъ, стремилась основаться на твердыхъ убѣжденіяхъ». Дѣйствительно, стихотворныя и прозаическія статьи этой книжки полны личными переживаніями автора. Здѣсь мы видимъ и искреннее религіозное чувство, и нѣжную любовь сына къ матери, и доброе чувство къ ближнимъ, особенно — къ слабымъ и угнетеннымъ жизнью, и горячее стремленіе къ плодотворному труду, къ самоутвержденію личности и развитію въ ней человѣческаго достоинства; словомъ, — всѣ тѣ качества, которыми въ высокой степени отличался и самъ авторъ, сумѣвшій такъ просто, задушевно и «заразительно» представить ихъ своимъ юнымъ читателямъ.

Осенью 1847 г. Яковъ Карловичъ посѣтилъ Швецію и слушалъ лекціи въ Упсальскомъ университетѣ, а въ слѣдующемъ году собрался побывать въ Англіи и Америкѣ, но, въ виду тогдашнихъ европейскихъ событій, не получилъ на эту поѣздку Высочайшаго разрѣшенія. Лѣтомъ 1849 г. онъ ѣздилъ въ Москву и тамъ познакомился съ извѣстнымъ нашимъ оріенталистомъ профессоромъ К. А. Коссовичемъ, съ которымъ объѣзжалъ историческія окрестности Москвы и занимался санскритскимъ и греческимъ языками, чѣмъ еще болѣе расширилъ и укрѣпилъ свое филологическое образованіе и интересъ къ лингвистическимъ разысканіямъ. Въ началѣ 50-хъ годовъ, по порученію вицеканцлера университета, онъ долженъ былъ заняться переводомъ университетскихъ статутовъ съ обширными къ нимъ приложеніями. Эта работа потребовала огромнаго и напряженнаго труда, отнимавшаго у профессора почти все свободное время, и была имъ исполнена въ сравнительно короткій срокъ. Кромѣ того, ему постоянно приходилось переводить и составлять множество оффиціальныхъ бумагъ по университетскимъ дѣламъ.

Всѣ эти обширныя и весьма разнообразныя занятія Грота въ пору его профессорства свидѣтельствуютъ объ огромной его трудоспособности и настойчивости въ работѣ, а также объ удивительномъ умѣньѣ распредѣлять свое время. Недаромъ говорилъ онъ въ одномъ изъ своихъ стихотвореій для дѣтей:

Во всемъ порядокъ ты устрой, —
Въ вещахъ своихъ, въ дѣлахъ вседневныхъ;
Тогда отраду и покой
Найдешь и въ помыслахъ душевныхъ.
. . . . . .
Семи хоть пядей будь во лбу, —
Когда порядка ты не знаешь,
То развѣ сдѣлаешь въ гробу
Все то, что сдѣлать замышляешь!

«Жалуетесь вы на недостатокъ времени», писалъ онъ Плетневу. «Попробуйте дѣлать то, что я началъ: поутру назначать себѣ строго, что въ теченіе дня вы должны сдѣлать въ тѣ и тѣ часы. Конечно, много есть непредвидѣнныхъ случаевъ, которые могутъ мѣшать вамъ; но тогда надобно не сдѣланное сегодня непремѣнно сдѣлать завтра. Разумѣется также, что тутъ потребны жертвы: напримѣръ, чтобы заняться чѣмъ-нибудь серьезно, надобно поотказаться отъ общества; но когда же и гдѣ что бы ни было порядочное могло быть сдѣлано безъ жертвъ?»

«Мои усиленныя занятія», читаемъ въ другомъ письмѣ, «сами составляютъ жизнь, особую сферу бытія, богатую наслажденіями... Они дѣлаютъ меня достойнѣе моего званія и доставляютъ мнѣ отрадное сознаніе, что я избранное мною знаніе несу совѣстливо. Знанія, которыя я пріобрѣлъ въ послѣдніе годы, составляютъ въ моемъ положеніи не роскошь, а первую потребность; они не только сдѣлали меня способнымъ исполнять мою должность, но и удесятерили мое духовное существованіе... Тутъ дѣло не въ способностяхъ, не въ подвигахъ ума, а въ томъ,

чтобы сдѣлать, живя, все то благое, къ чему въ тебѣ есть средства. Меня часто ужасаетъ мысль, каково должно быть человѣку на одрѣ смерти, когда онъ, оглядываясь назадъ, долженъ сознаться, что сѣмя добра, съ которымъ онъ родился, осталось неразвитымъ, и что теперь его раскаяніе уже навѣки поздно. А между тѣмъ, въ сущности, совсѣмъ уже не такъ трудно дѣлать должное. Нужно только немного того, что называется твердостью, а она, какъ и все, пріобрѣтается упражненіемъ, если только есть въ душѣ основанная на мудрости воля... Главная бѣда почти всѣхъ людей состоитъ не въ недостаткѣ ума, а въ непривычкѣ напрягать его такъ, чтобы не случай, не минутныя впечатлѣнія, а чтобы онъ, разумъ, просвѣтленный образованіемъ, былъ всесоразмѣряющимъ, всерасполагающимъ, всевзвѣшивающимъ началомъ нашихъ поступковъ. Тогда, и только тогда, можетъ быть между ними тѣнь той гармоніи, которую Творецъ — Высшій Разумъ — разливъ въ своемъ твореніи, поставилъ намъ вѣчнымъ образцомъ. И мы всѣ творцы въ маломъ видѣ: наши творенія — дѣла наши».

Профессорская дѣятельность Якова Карловича въ Гельсингфорсѣ продолжалась 12 лѣтъ. Конечно, къ его заботамъ о насажденіи въ Финляндіи знанія русскаго языка не всѣ относились одинаково сочувственно. Въ первое время бывали и недоразумѣнія со студентами изъ-за экзаменовъ, кто-то даже билъ въ квартирѣ профессора стёкла, — но эти единичные случаи вызывали общее осужденіе и многочисленныя выраженія сочувствія потерпѣвшему со стороны благомыслящихъ финляндцевъ. Въ результатѣ, однако, онъ пришелъ къ убѣжденію, что распространеніе и утвержденіе русскаго языка въ иноплеменномъ краѣ не можетъ быть дѣломъ одного человѣка. «Конечно», писалъ онъ, — «присутствіе въ Финляндіи русскаго ученаго, которому открытъ былъ міръ скандинавской науки и къ которому въ каждомъ сомнительномъ случаѣ касательно Россіи здѣшніе ученые могли обращаться за объясненіями, было не безъ значенія. Но прочные успѣхи русскаго языка могутъ быть достигнуты только послѣдователь-

ными и терпѣливо направляемыми къ тому мѣрами самого правительства и его учрежденій, *поддерживаемыхъ собственнымъ сознаніемъ страны въ ихъ необходимости*». Самымъ важнымъ результатомъ своего пребыванія въ Александровскомъ университетѣ считалъ онъ поэтому не пробужденіе интереса къ русскому языку, литературѣ и исторіи, а то, что его стараніями университетъ, а вмѣстѣ съ нимъ и все населеніе Гельсингфорса, пріобрѣли русскую библіотеку, изъ которой всякій могъ безплатно получать книги...

Въ февралѣ 1850 г. Яковъ Карловичъ женился на Н. П. Семеновой. Въ лицѣ своей супруги, соединявшей истинно-просвѣщенныя воззрѣнія съ такимъ же мягкимъ и гуманнымъ характеромъ, какимъ онъ и самъ отличался, онъ нашелъ на всю жизнь преданнаго друга, генія-хранителя его душевнаго спокойствія и вѣрнаго утѣшителя во всѣхъ житейскихъ невзгодахъ. Наталья Петровна всецѣло посвятила себя интересамъ дѣятельности своего мужа и всегда, насколько это было для нея возможнымъ, являлась ревностной помощницей въ его трудахъ и начинаніяхъ. Въ трогательныхъ своихъ воспоминаніяхъ, написанныхъ уже послѣ смерти Якова Карловича и, къ сожалѣнію, недоступныхъ широкому кругу читателей, Наталья Петровна говоритъ: «Я не только съ любовью, но съ какимъ-то благоговѣніемъ всматривалась въ нравственное совершенство моего друга. Его ровная, неизмѣнная нѣжность ко мнѣ, его кротость и снисхожденіе къ людямъ, его замѣчательная скромность, болѣе того — смиреніе, которымъ онъ былъ проникнутъ при самыхъ высокихъ качествахъ ума и души, тѣмъ болѣе поражали меня и привязывали къ нему, что я до тѣхъ поръ не встрѣчала ничего подобнаго вокругъ себя. И могу сказать по совѣсти, что моя любовь къ нему и благоговѣніе къ его характеру и мудрости во всю нашу долгую супружескую жизнь не только не умалялись, но росли во мнѣ до самыхъ послѣднихъ минутъ его жизни... И чѣмъ болѣе я теперь углубляюсь въ изученіе его жизни, тѣмъ ярче выступаетъ для меня ея цѣльность и праведность. О, когда бы болѣе было на

свѣтѣ такихъ искреннихъ, нелицемѣрныхъ христіанъ по духу и жизни, какъ легко бы жилось человѣчеству!»

Съ первыхъ дней своего переселенія въ Финляндію Яковъ Карловичъ былъ очень радушно принятъ въ высшемъ кругу мѣстнаго общества, имѣлъ много дружескихъ связей въ ученомъ мірѣ и, можетъ быть, остался бы тамъ и навсегда, если бы особыя обстоятельства не возвратили его Россіи. Эти обстоятельства заключались въ томъ, что въ концѣ 1852 года директоръ лицея предложилъ Якову Карловичу занять въ этомъ заведеніи каѳедру русской словесности, и почти одновременно Плетневъ рекомендовалъ его Наслѣднику Цесаревичу Александру Николаевичу на должность наставника двухъ старшихъ его сыновей. Наслѣдникъ приказалъ завѣдывавшему первоначальнымъ воспитаніемъ великихъ князей генералу Зиновьеву покончить это дѣло съ Плетневымъ. Послѣдній, предполагалъ первоначально поручить Гроту все руководство преподаваніемъ, но потомъ долженъ былъ уступить заявленію Зиновьева, что Гротъ, какъ нѣмецъ и лютеранинъ, не можетъ занять при великихъ князьяхъ мѣсто инспектора классовъ, а долженъ довольствоваться положеніемъ учителя. Впрочемъ, на него было возложено преподаваніе нѣсколькихъ предметовъ, — русскаго языка, исторіи всеобщей и русской, географіи и нѣмецкаго языка, причемъ всѣми этими предметами надобно было заниматься съ каждымъ изъ великихъ князей отдѣльно. Яковъ Карловичъ принялъ это предложеніе въ сознаніи всей важности и отвѣтственности поручаемыхъ ему обязанностей и, въ виду матеріальной своей необезпеченности, долженъ былъ согласиться также и на занятіе лицейской каѳедры. Въ началѣ 1853 года онъ переѣхалъ въ Петербургъ и началъ свою новую службу. Особенно труденъ былъ для него первый годъ этой дѣятельности. Старшему изъ его августѣйшихъ учениковъ, Николаю Александровичу, было въ ту пору всего девять лѣтъ, а младшему, Александру Александровичу, не было и

восьми, и онъ еще съ трудомъ могъ читать и писать. Поэтому съ самаго же начала учителю пришлось немало поработать для достиженія самыхъ элементарныхъ результатовъ. За неимѣніемъ въ то время хорошихъ учебниковъ, онъ долженъ былъ самъ писать для каждаго великаго кнѣзя, сообразно со степенью его развитія и знаній, записки по всѣмъ предметамъ; въ то же время ему пришлось составлять подробный курсъ русской литературы для двухъ старшихъ классовъ лицея. Это крайне спѣшное и напряженное многописаніе вызвало у него, наконецъ, судороги въ пальцахъ правой руки. Невозможность писать правой рукой не смутила Якова Карловича: онъ рѣшилъ сейчасъ-же научиться писать лѣвой рукой, сдѣлалъ себѣ разлинованныя тетради, надписалъ на нихъ: «Тетрадь чистописанія сорокалѣтняго Яши» и съ обычной своей настойчивостью и методичностью началъ учиться по всѣмъ правиламъ каллиграфіи, выписывая палочки, кружочки и проч. Вскорѣ онъ сталъ писать довольно бѣгло, и затѣмъ въ продолженіе почти 12 лѣтъ пользовался для письма исключительно лѣвой рукой.

Къ исполненію своей трудной и отвѣтственной педагогической обязанности Гротъ приступилъ уже съ вполнѣ сложившимися взглядами на задачи преподаванія и воспитанія. «Для полноты образованія», — говорилъ онъ въ одной изъ своихъ рѣчей къ воспитанникамъ лицея, — «необходимо, сверхъ знаній, во-первыхъ совершенное развитіе чувства нравственнаго и эстетическаго, во-вторыхъ развитіе характера, какъ представителя воли... Основаніе характера составляютъ твердыя убѣжденія, — плодъ вполнѣ развитого религіозно-нравственнаго чувства, вѣрныхъ понятій и зрѣлыхъ познаній».

Эти идеи и были положены имъ въ основу своего отношенія къ августѣйшимъ ученикамъ. «Мнѣ казалось», — писалъ онъ В. П. Титову, «что для передачи другимъ свѣдѣній, для внушенія любви къ истинѣ и труду, для благотворнаго вліянія на сердце особенно годенъ тотъ, кто всю жизнь свою трудился надъ самимъ собою, искалъ истины и старался обогащать свой умъ познаніями.

Мнѣ казалось, что особливо для воспитанія будущаго Государя, живущаго въ атмосферѣ преждевременныхъ обаяній земного величія, искушенія лести и лжи, можетъ быть нуженъ человѣкъ, болѣе всего приверженный къ правдѣ, врагъ ложнаго блеска и суетности... Дѣло воспитанія не есть какая-нибудь туманная область безъ путеводныхъ свѣтилъ и законовъ. Къ нему способенъ всякій человѣкъ съ здравымъ и яснымъ умомъ и твердымъ характеромъ, особенно если къ тому присоединяются великое усердіе и любовь къ дѣлу».

Къ сожалѣнію, почти съ первыхъ-же шаговъ своего учительства во дворцѣ ему пришлось встрѣтить немало препятствій, непониманія и даже прямой непріязни, и во все продолженіе этой своей дѣятельности играть недостаточно опредѣленную роль, которую всякій, вновь входившій въ кругъ воспитанія Царскихъ дѣтей, могъ измѣнять по своему произволу. Его сильно соблазняла мысль возвратиться къ своимъ кабинетнымъ занятіямъ ученаго, но съ другой стороны онъ считалъ недобросовѣстнымъ покинуть дѣятельность, къ которой призвала его судьба и въ которой, какъ онъ сознавалъ, онъ могъ быть полезнымъ. Чувство долга, всегда руководившее его дѣйствіями, было выше всѣхъ личныхъ соображеній.

При такихъ условіяхъ, когда Якову Карловичу постоянно приходилось убѣждаться въ невозможности сколько-нибудь послѣдовательно проводить свои идеи и планы въ исполненіи преподавательскихъ своихъ обязанностей, успѣхи преподаванія, конечно, не могли вполнѣ отвѣчать его желаніямъ. Тѣмъ не менѣе, благодаря упорному труду и настойчивости, ему все-же удавалось достигать положительныхъ результатовъ. При занятіяхъ съ великими князьями русской исторіей и литературой Гротъ старался знакомить ихъ не только съ произведеніями знаменитыхъ нашихъ писателей, но и со всѣмъ, что о нихъ писано было лучшаго; говорилъ о ихъ вліяніи на эпоху, о ходѣ просвѣщенія и учрежденіяхъ по этой части во всѣ царствованія, такъ что давалъ полную картину образованія и умственнаго движенія въ

Россіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ сообщалъ имъ также доступныя ихъ возрасту и развитію новости журналистики.

Въ концѣ 1856 года призванъ былъ для завѣдыванія ученіемъ великихъ князей бывшій пашъ посланникъ въ Константинополѣ В. П. Титовъ. Онъ предоставилъ Гроту должность наблюдателя классовъ при всѣхъ четырехъ старшихъ великихъ князьяхъ. Такимъ образомъ Гротъ сталъ присутствовать на урокахъ другихъ преподавателей, на приготовленіяхъ великихъ князей и наблюдалъ за порядкомъ распредѣленія часовъ, съ обязанностью замѣнять отсутствующихъ учителей. Вскорѣ, однако, положеніе Титова при дворѣ поколебалось, и онъ былъ замѣненъ вызваннымъ изъ-за границы г. Гриммомъ, который, по словамъ Грота, вовсе не зналъ русскаго языка, но слылъ почему-то отличнымъ педагогомъ. Этотъ новый воспитатель великихъ князей представлялъ полную противоположность Гроту. Онъ высказывалъ, что Россія не имѣетъ ни исторіи, ни литературы, и что русскими должно управлять только съ помощью самой строгой власти, безъ чего они всегда останутся ничтожнымъ народомъ, безъ всякаго значенія, потому что сами по себѣ никогда ничего не могли произвести и ни къ чему не способны. Понятно, что Гротъ совершенно не могъ работать съ человѣкомъ такихъ убѣжденій и долженъ былъ почувствовать себя одинокимъ и лишнимъ. Въ сентябрѣ 1859 года, когда наступилъ день совершеннолѣтія Цесаревича Николая Александровича, Гротъ откланялся своимъ августѣйшимъ ученикамъ. При этомъ онъ поднесъ Наслѣднику альбомъ мыслей, вызываемыхъ особенностью положенія будущаго Государя, полный высокихъ и благородныхъ наставленій. Здѣсь на первомъ мѣстѣ поставлена «Молитва Цесаревича», въ которой такъ ярко отразился нравственный обликъ его наставника, что нельзя не привести изъ нея хотя бы нѣсколькихъ строкъ.

«Да не будетъ надо мной имѣть власти пагубная наклонность къ бездѣйствію», говоритъ Гротъ отъ лица своего питомца. «Дай мнѣ любовь къ тихимъ занятіямъ, внуши мнѣ любознатель-

пость, которая бы не давала мнѣ покоя, которая бы побуждала меня учиться и читать... Пошли мнѣ любовь къ правдѣ и умѣнье отличать людей, преданныхъ ей, отъ лживыхъ и суетныхъ. Но особенно, Господи, молю Тебя объ одномъ: зажги въ сердцѣ моемъ теплую любовь къ человѣчеству. Даруй мнѣ сердце любящее, исполненное участія къ ближнему. На высотѣ величія, въ нѣдрахъ обилія и роскоши, не дай мнѣ забывать страданій и несчастій, ежеминутно претерпѣваемыхъ вдали отъ меня; дай мнѣ помнить, что Ты поставилъ меня такъ высоко не для собственнаго моего счастія, но для того, чтобы я способствовалъ къ распространенію счастія между другими, чтобъ я былъ орудіемъ Твоей воли для утвержденія на землѣ царства добра и истины».

Въ этотъ же альбомъ было вписано Яковомъ Карловичемъ слѣдующее стихотвореніе:

Минутный призракъ — жизнь земная,
И блескъ, и шумъ ея — обманъ;
Но тайна скрыта въ ней святая,
И смыслъ божественный ей данъ.

Тому, что̀ зритъ плотское око,
Ты легкой вѣры не давай,
Но въ сокровенное — глубоко
Духовнымъ взоромъ проникай.

И вѣдай: многое, что̀ низко,
Стоитъ предъ Богомъ высоко,
И часто въ жизни то къ намъ близко,
Чего мы ищемъ далеко.

О, воспитай въ себѣ умѣнье
Въ пучинѣ призраковъ и лжи
Провидѣть истины явленье
Очами зоркими души!

Разставаніе царственныхъ учениковъ съ ихъ наставникомъ было трогательно. Великій князь Александръ Александровичъ, обнимая Грота, со слезами просилъ его остаться...

Занятія Якова Карловича съ великими князьями продолжались шесть съ половиною лѣтъ, и хотя онъ былъ лишенъ возможности закончить свое воспитательное дѣло, но, все-таки, успѣлъ оказать на своихъ учениковъ замѣтное вліяніе. За преждевременной кончиной великаго князя Николая Александровича, мы не можемъ прослѣдить это вліяніе на его жизни, хотя и имѣемъ неоднократныя свидѣтельства о томъ, что своими знаніями и умѣньемъ владѣть литературною рѣчью онъ обязанъ исключительно Гроту. За то, кажется, мы имѣемъ право сказать, что складъ характера второго ученика Якова Карловича, въ Бозѣ почившаго Императора Александра III, носитъ на себѣ извѣстную печать его руководительства. Трудолюбіе, непреклонность воли, высокое религіозно-нравственное чувство,—качества, отличавшія покойнаго Государя, — это именно тѣ основы жизни, которыя Гротъ всегда считалъ вѣнцомъ духовнаго развитія человѣка. И впослѣдствіи Государь всегда отдавалъ должное той заботливости, съ какою Гротъ старался объ его успѣхахъ въ наукахъ. Яковъ Карловичъ неизмѣнно пользовался Его высокою милостью и сердечнымъ вниманіемъ. «Я привыкъ любить и уважать эту достойную личность», написалъ Государь на докладѣ о кончинѣ Грота.

Покинувъ службу при дворѣ, Яковъ Карловичъ только еще на время оставилъ за собою лицейскую каѳедру, отъ которой отказался три года спустя, рѣшивъ всецѣло отдаться кабинетной ученой работѣ. Девять лѣтъ его преподавательской дѣятельности въ лицеѣ надолго оставили по себѣ добрую память. «Почтенное его имя», говоритъ Д. Ѳ. Кобеко, «всегда помянетъ съ чувствомъ благодарности каждый лицеистъ, имѣвшій случай входить съ нимъ въ общеніе». Въ его завѣтахъ оставляющимъ лицей воспитанникамъ, высказанныхъ въ двухъ рѣчахъ при окончаніи ими курса, слышится то же высокое благородство мысли и чувства,

та же горячая любовь къ труду и вѣра въ могучую силу непрерывной работы человѣка надъ самимъ собою, какими проникнуты всѣ его мысли о воспитаніи и самовоспитаніи. «Идите въ путь» говорилъ онъ своимъ ученикамъ, — «съ готовностью не быть узнанными, не быть оцѣненными, даже съ увѣренностью, что истинная, но скромная заслуга рѣдко сознается и награждается по всей справедливости; имѣйте въ виду одно только: вездѣ и во всѣхъ обстоятельствахъ, не смотря ни на какія внѣшнія выгоды, дѣйствовать благородно и добросовѣстно... Лучшій, самый трудный и вмѣстѣ самый доступный для всякаго подвигъ есть совѣстливое и спокойное исполненіе долга въ томъ кругу дѣятельности, какой кому достается въ удѣлъ. Пусть только каждый трудится на своемъ поприщѣ ежедневно, неутомимо, съ веселымъ духомъ, не мудрствуя лукаво и помня, что важна не отдѣльная дѣятельность, а сумма всѣхъ дѣятельностей, направленныхъ къ одной цѣли — общему благу». Вся жизнь и дѣятельность Я. К. Грота была яркимъ подтвержденіемъ этихъ прекрасныхъ словъ.

Съ 1862 года и до послѣдняго своего дня, болѣе 30 лѣтъ, Яковъ Карловичъ работалъ уже исключительно для Академіи Наукъ. Его сношенія съ Академіей начались еще въ 1851 г., когда онъ былъ приглашенъ, черезъ Плетнева, къ участію въ только что основанныхъ «Извѣстіяхъ II Отдѣленія». Въ 1852 г. онъ былъ избранъ въ члены-корреспонденты Академіи, три года спустя — адъюнктомъ, а еще черезъ три года — ординарнымъ академикомъ. Однако учебныя занятія не давали ему необходимаго досуга и спокойствія для занятій ученыхъ, и по этой причинѣ его первые академическіе труды не могли быть особенно многочисленны. Въ 1860 году Академія, по его собственному предложенію и плану, поручила ему заняться полнымъ критическимъ изданіемъ сочиненій Державина. Изученіемъ жизни и произведеній этого поэта Яковъ Карловичъ сталъ заниматься еще въ началѣ 40-хъ годовъ; теперь же заботясь о томъ, чтобы выработать наилучшій типъ ученаго изданія, внимательно изучилъ всѣ образцы критическихъ изданій европейскихъ классиковъ,

вошелъ во всѣ подробности этого сложнаго и кропотливаго труда и съ помощью этого детальнаго ихъ разсмотрѣнія установилъ новый, еще небывалый въ нашей литературѣ, видъ изданія, который не только полвѣка тому назадъ, но и въ настоящее время стоитъ на высотѣ самыхъ серьезныхъ научныхъ требованій и служитъ образцомъ для другихъ подобнаго рода работъ. Все изданіе сочиненій Державина, съ присоединеніемъ обширной біографіи поэта, было закончено въ 1883 г. и составило 9 большихъ томовъ. Подготовительныя къ нему работы все болѣе и болѣе расширяли кругъ историческихъ и историко-литературныхъ изысканій Якова Карловича, обнявшихъ почти весь XVIII и начало XIX вѣка. Результатомъ этихъ занятій было изданіе множества любопытныхъ матеріаловъ и изслѣдованій о лицахъ и событіяхъ Екатерининской и Александровской эпохи.

Въ 1865 г. столѣтняя годовщина смерти Ломоносова открыла собою цѣлый рядъ юбилеевъ знаменитыхъ русскихъ дѣятелей прежняго времени. Академія Наукъ принимала живое участіе во всѣхъ этихъ празднествахъ. Такъ, ею были устроены торжественныя собранія въ память Карамзина, митрополита Евгенія, Крылова, потомъ — Жуковскаго, Батюшкова и др. писателей. На всѣхъ этихъ торжествахъ Яковъ Карловичъ произносилъ соотвѣтственныя рѣчи, а также издавалъ переписку и другіе литературные матеріалы и изслѣдованія, касавшіеся чествуемыхъ лицъ. Кромѣ того, имъ изданы, по порученію Русскаго Историческаго Общества, многія бумаги императрицы Екатерины II и написанъ рядъ монографій объ ея дѣятельности въ разныхъ отношеніяхъ. Онъ издалъ также сочиненія и письма Хемницера, Плетнева, рядъ статей о Пушкинѣ, Жуковскомъ, Востоковѣ и другихъ. Рука объ руку съ этими историческими и историко-литературными работами шли постоянныя и никогда не прерывавшіяся изслѣдованія въ области филологіи и лингвистики, служившія главнымъ предметомъ занятій Якова Карловича до самой кончины, которая застигла его почти за корректурами выходившаго подъ его редакціей Словаря русскаго языка.

Рядомъ съ этими многочисленными трудами, которыми Яковъ Карловичъ пріобрѣлъ почетное и незабвенное въ русской наукѣ имя, слѣдуетъ упомянуть и о значительныхъ трудахъ его по должности предсѣдательствующаго (съ 1865 г.) въ Отдѣленіи русскаго языка и словесности, годовые отчеты котораго нерѣдко составлялись Яковомъ Карловичемъ, а въ послѣдніе три года жизни — по должности вице-президента Академіи. Зная его характеръ и убѣжденія, мы едва ли имѣемъ надобность указывать на то, какъ близки были его сердцу интересы высшаго ученаго учрежденія въ Россіи. Служеніе этимъ интересамъ и ихъ постоянная защита составляли предметъ всегдашнихъ заботъ и трудовъ нашего академика.

Таковы, въ немногихъ словахъ, важнѣйшіе факты его академической дѣятельности, всегда живой и плодотворной.

«Счастливъ тотъ, кто угадалъ свое призваніе», говоритъ Карлейль: «ему нѣтъ надобности искать другого счастья. Передъ нимъ — его жизненная задача. Этого для него довольно»[1]).

---

1) «Труды Я. К. Грота» т. V, Спб. 1903. — «Переписка Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ», 3 тома, Спб. 1896.—«Я. К. Гротъ. Нѣсколько данныхъ къ его біографіи и характеристикѣ», Спб. 1895. — К. Я. Гротъ: «Матеріалы для жизнеописанія Я. К. Грота. Предки, семья и дѣтство», Спб. 1912.—Н. П. Гротъ: «Изъ семейной хроники. Воспоминанія для дѣтей и внуковъ», Спб. 1900.— Б. Б. Глинскій: «Наставникъ Царскихъ дѣтей», Историческій Вѣстникъ 1896, кн. 1.

Воспоминанія академика И. В. Ягича.

Отдѣленіе русскаго языка и словесности пригласило меня — какъ своего старшаго сочлена — принять дѣятельное участіе въ чествованіи столѣтней годовщины со дня рожденія Якова Карловича Грота. Я считаю себя польщеннымъ оказаннымъ мнѣ вниманіемъ товарищей. Оно заставляетъ меня возобновить въ моей памяти дорогія воспоминанія о прожитыхъ въ общеніи съ Яковомъ Карловичемъ на почвѣ академической и въ средѣ Отдѣленія лучшихъ годахъ моей жизни. Да будетъ позволено мнѣ, какъ послѣднему въ Отдѣленіи живому свидѣтелю того времени, подѣлиться со слушателями нѣкоторыми изъ этихъ воспоминаній, именно о томъ, что происходило лѣтъ тридцать и болѣе тому назадъ въ нашемъ Отдѣленіи подъ предсѣдательствомъ Якова Карловича, главы, руководителя и души нашихъ собраній. Съ 1880 по 1886 годъ продолжалась наша совмѣстная дѣятельность. За это время я имѣлъ полную возможность близко узнать всѣ прекрасныя стороны характера Якова Карловича, вникнуть во всѣ идеи, одушевлявшія его на пользу русской науки и просвѣщенія, и оцѣнить по достоинству его неутомимое стремленіе поднять значеніе нашего Отдѣленія какъ въ академической средѣ, такъ и въ обществѣ. Смѣю прибавить, что наши всегда сердечныя и искреннія сношенія не ограничивались одними только встрѣчами на почвѣ академической, въ засѣданіяхъ Отдѣленія или общихъ собраніяхъ Академіи; я былъ близко знакомъ съ его семействомъ, посѣщалъ его вечера и въ его домѣ знакомился не только съ его

родными, но и съ многими его почитателями. Благодаря этимъ благопріятнымъ условіямъ воспоминанія о тѣхъ давно минувшихъ годахъ запечатлѣлись въ моей душѣ навсегда, и я сохраню ихъ до конца жизни.

Еще до моего пріѣзда въ Петербургъ въ 1880 году я зналъ Якова Карловича Грота по его письмамъ, сохранившимся у меня начиная съ осени 1874 года, со времени моего перехода изъ Одесскаго въ Берлинскій университетъ. Проѣздомъ я остановился на нѣкоторое время въ Петербургѣ. Чтобы лучше обезпечить свою работу на новоучрежденной въ Берлинѣ каѳедрѣ славянской филологіи, я чувствовалъ необходимость заручиться поддержкой, нравственной и научной, видныхъ представителей русской и славянской науки, какими были въ то время въ Петербургѣ Срезневскій, Гротъ, Веселовскій, Ламанскій, Пыпинъ и др. Чрезвычайно сердечно отозвался на мои просьбы именно Яковъ Карловичъ; въ завязавшейся съ того времени между нами перепискѣ, отъ которой у меня до сихъ поръ сохранилось слишкомъ 60 писемъ, онъ нѣсколько разъ повторялъ готовность свою снабжать меня изданіями своими и Отдѣленія: «радъ служить Вамъ по книжной части, какъ и во всѣхъ случаяхъ, когда Вамъ понадобится мое содѣйствіе или какое либо разъясненіе». Такъ писалъ онъ мнѣ въ письмѣ 17 ноября 1874 г. Въ концѣ же 1875, когда я могъ послать ему первый выпускъ основаннаго мною «Архива», онъ написалъ мнѣ: «Поздравляю Васъ съ новорожденнымъ, т. е. Архивомъ, первая книжка котораго обѣщаетъ наполнить съ совершеннымъ успѣхомъ чувствительный пробѣлъ въ современной филологической литературѣ». Онъ сообщалъ мнѣ о ходѣ своихъ занятій, какъ и о дѣятельности Отдѣленія вообще. Такъ въ концѣ 1875 года онъ далъ мнѣ знать, что онъ занятъ вторымъ изданіемъ своихъ филологическихъ разысканій, куда должна войти его статья о правописаніи «въ совершенно новомъ, обширнѣйшемъ видѣ», которую онъ счелъ нужнымъ, какъ самъ говорилъ, основать на физіологическомъ изученіи звуковъ русскаго языка, «что у насъ еще почти совершенно ново». Въ мартѣ

1877 года, получивъ отъ меня новую книжку журнала, которая была на очереди, онъ писалъ мнѣ: «Къ сожалѣнію я съ пріѣзда изъ-за границы почти вовсе не имѣлъ возможности заниматься лингвистическими трудами; теперь у меня періодъ исторіи по званію члена Историческаго Общества, но когда я кончу начатое, то тѣмъ съ бо́льшимъ усердіемъ примусь опять за филологію». Въ то время второе изданіе его Филологическихъ Разысканій было уже въ ходу: онъ самъ хвалился мнѣ, что «теперь пошла уже 2-ая тысяча экземпляровъ». Въ томъ же письмѣ онъ коснулся одного вопроса, о которомъ сто́итъ еще и теперь сказать нѣсколько словъ. Онъ пишетъ мнѣ: «Многіе отъ меня требуютъ грамматики, и я бы охотно принялся за это дѣло, если бы былъ свободнѣе». Онъ вызвалъ меня на отвѣтъ словами: «А что Вы объ этомъ думаете? Какого рода русскую грамматику считаете нужною послѣ имѣющихся уже трудовъ». — Не могу сказать, какими словами я отвѣтилъ на этотъ вопросъ, но мнѣ кажется, что я имѣлъ въ виду именно то, чего тогда и еще потомъ долгое время недоставало, а именно обширнаго критическаго руководства по русскому языку въ его современномъ литературномъ видѣ. Къ этому вопросу онъ возвратился въ письмѣ отъ 29 марта 1877 г. Я собирался тогда въ Петербургъ по поводу изданія Зографскаго евангелія. Онъ писалъ мнѣ: «Очень порадовало меня извѣстіе, что мы скоро будемъ имѣть удовольствіе видѣть Васъ здѣсь. Тогда поговоримъ и о русскихъ грамматикахъ, которыя, какъ я опасаюсь, очень разочаровали бы Васъ, еслибъ Вы съ ними познакомились. Почти всѣ онѣ, съ небольшими отступленіями, повторяютъ другъ друга. Грамматика Буслаева полнѣе другихъ, но на мой взглядъ далека отъ желаемой степени совершенства и притомъ уже устарѣла». На мое желаніе, чтобы онъ взялся за это дѣло, онъ отвѣтилъ: «Не знаю, оправдалъ ли бы я его при великихъ трудностяхъ, но попробовать не прочь, когда освобожусь отъ начатыхъ трудовъ другого рода; между прочими въ настоящее время главный — приготовленіе послѣдняго тома изданія Державина, въ который входитъ подробная его біогра-

фія. Ею я теперь преимущественно и занятъ». Статья о языкѣ Державина въ IX томѣ изданія показываетъ, какими драгоцѣнными замѣчаніями могъ бы Я. К. обогатить русскую грамматику, если бы другія занятія не помѣшали ему на продолжительное время сосредоточить свое вниманіе на подобнаго рода вопросахъ.

Перейду къ личнымъ воспоминаніямъ. Въ 1880 году состоялось мое избраніе въ дѣйствительные члены Отдѣленія, въ чемъ Я. К. принялъ самое живое и сердечное участіе. Это было для меня по истинѣ радостное событіе: оно превзошло всѣ мои ожиданія по искренности сношеній и взаимному довѣрію всѣхъ членовъ Отдѣленія другъ къ другу, и всѣ мы чувствовали, что сложившимися отношеніями мы обязаны всего болѣе внимательно-дружескому расположенію ко всѣмъ намъ безъ различія нашего любезнѣйшаго предсѣдательствующаго, Я. К. Грота. Отдѣленіе состояло тогда изъ шести членовъ: одинъ изъ нихъ, митрополитъ Макарій, не принималъ участія въ засѣданіяхъ; оставалось насъ пять правильно посѣщавшихъ еженедѣльныя засѣданія: Я. К. Гротъ, А. Ѳ. Бычковъ, М. И. Сухомлиновъ, А. Н. Веселовскій и я. Число двадцати членовъ, предусмотрѣнное дѣйствовавшими еще тогда постановленіями 1841 года, уменьшилось до пяти членовъ, кругъ ученой дѣятельности которыхъ былъ достаточно опредѣленъ (русскій языкъ, русская словесность и древне-русская письменность, славянская филологія и сравнительная исторія литературы), а положеніе наше по отношенію къ двумъ остальнымъ Отдѣленіямъ представляло много ненормальнаго; мы не могли чувствовать себя вполнѣ равноправными членами Академіи. Уставъ 1841 года помѣстилъ насъ въ центрѣ учрежденія, но организація нашего Отдѣленія мѣшала ему быть соединяющимъ звеномъ: на насъ скорѣе смотрѣли слѣва и справа какъ на разорвавшихъ единство академіи. Это было наслѣдіе прежнихъ порядковъ, продолжавшееся еще и въ послѣдующіе годы. Никто не принималъ этой ненормальности живѣе къ сердцу, чѣмъ нашъ предсѣдательствующій. Но существенныхъ измѣненій нельзя было ожидать такъ скоро; надо было

довольствоваться частичными улучшеніями[1]). Едва вѣрится, что и званіе предсѣдательствующаго, существовавшее de facto уже въ теченіе 20 лѣтъ, получило оффиціальное скрѣпленіе лишь въ 1884 году. Припоминаю эту мелочь въ доказательство непритязательности Якова Карловича. Она проявлялась вездѣ и всегда. Въ нашихъ засѣданіяхъ онъ самъ записывалъ что нужно было вносить въ протоколы, онъ самъ приготовлялъ выдержки для напечатанія въ Сборникѣ, какъ органѣ Отдѣленія, онъ самъ велъ всю редакцію Сборника, заботился о составленіи подъ его наблюденіемъ указателей, онъ постоянно докладывалъ о ходѣ печатанія нашихъ изданій, велъ переговоры съ типографіей и т. д. Во всемъ этомъ выказывалась его изумительная аккуратность и добросовѣстность; его же товарищеское чувство вызывало нашу безпредѣльную преданность. Я не помню случая, когда бы у насъ произошли какія либо разногласія—столь разумно и убѣдительно велъ онъ всѣ дѣла. Каждый изъ членовъ Отдѣленія представлялъ собою точно опредѣленную въ русской наукѣ индивидуальность, въ выборѣ занятій была конечно полная непринужденность и свобода, а потому и понятное разнообразіе, но при всемъ томъ всѣхъ объединяла одна общая идеальная цѣль способствовать прославленію русско-славянской науки. Такою запечатлѣлась въ моей душѣ тогдашняя интимная жизнь Отдѣленія, и связующимъ звеномъ нашего задушевнаго идейнаго единенія былъ — нашъ предсѣдательствующій Я. К. Гротъ.

Конечно при болѣе благопріятныхъ условіяхъ, въ особенности если бы средства Отдѣленія не были такъ ограничены, можно было бы и тогда уже ожидать отъ Отдѣленія, что оно, помимо собственной дѣятельности своихъ сочленовъ, привлечетъ къ своимъ работамъ болѣе постороннихъ тружениковъ. Кое-что дѣйствительно и тогда уже было сдѣлано въ этомъ направленія. Укажу наприм. на изданный въ тѣ годы Отдѣленіемъ словарь

1) Такъ Я. К. удалось при новомъ президентѣ, замѣнившемъ графа Литке графѣ Д. А. Толстомъ, исходатайствовать увеличенное вознагражденіе за присутствіе въ засѣданіяхъ для членовъ Отдѣленія. И. В. Я.

областного архангельскаго нарѣчія Ал. Подвысоцкаго, на изданіе матеріаловъ, собранныхъ по порученію Отдѣленія Колосовымъ, Качановскимъ и др., на изданія библіографическихъ трудовъ Пономарева, Межова, Каратаева, на поддержку оказанную П. В. Шейну при собираніи этнографическихъ матеріаловъ въ предѣлахъ бѣлорусскаго нарѣчія и т. д. Во всѣхъ этихъ случаяхъ роль посредника Отдѣленіе предоставляло своему усердному предсѣдательствующему: онъ охотно бралъ на себя также ходатайствовать передъ правительствомъ, чтобы ускорить успѣхъ дѣла. А что его ходатайство всегда много содѣйствовало благополучному исходу задуманнаго предпріятія, это знали всѣ мы очень хорошо, имѣя на то много доказательствъ. Искренно преданный всему, что шло на пользу русской науки и русскаго просвѣщенія, Яковъ Карловичъ съ усердіемъ возвышалъ свое вліятельное слово, когда былъ убѣжденъ въ правотѣ дѣла. Предвидимая имъ возможность первой неудачи не пугала его: со свойственной ему мягкой настойчивостью онъ повторялъ свои представленія до тѣхъ поръ, пока наконецъ желанная цѣль не была достигнута.

Такимъ остался въ моей памяти и моихъ воспоминаніяхъ незабвенный Яковъ Карловичъ за все время нашего академическаго общежитія. Съ самаго начала восьмидесятыхъ годовъ мы переживали годы борьбы за признаніе полныхъ правъ за нашимъ Отдѣленіемъ; мы дѣйствовали здѣсь дружно, какъ доказываетъ одна записка составленная нашимъ предсѣдательствующимъ и прочитанная имъ же въ засѣданіи 15 марта 1882 г. для внесенія въ Общее собраніе Академіи. Пришлось отразить сдѣланный Отдѣленію упрекъ въ томъ, что оно не заботится о пополненіи числа членовъ, которыхъ по уставу должно быть 20. Обширная записка была Отдѣленіемъ одобрена, подписана всѣми членами и прочитана въ общемъ собраніи. Въ подробности вдаваться теперь уже было бы излишне, такъ какъ всѣ поднятые тогда Отдѣленіемъ вопросы и недоумѣнія давно уже разрѣшены. Но не могу не привести словъ Я. К., въ которыхъ онъ выразилъ

признательность Отдѣленію за привѣтствіе, поднесенное ему въ день пятидесятилѣтней годовщины его ученой и литературной дѣятельности (въ 1882 г.). Онъ сказалъ тогда: «Считаю для себя особеннымъ счастіемъ, что ближайшіе мои сотоварищи, непосредственные свидѣтели моего образа дѣйствій въ академической сферѣ такъ вѣрно поняли начала, которымъ я болѣе 25-ти лѣтъ неуклонно слѣдовалъ въ своихъ отношеніяхъ къ Академіи вообще и къ нашему Отдѣленію въ частности. Дѣйствовать прямо и открыто, чуждаться всякой интриги, вести дѣла коллегіально, законно и безпристрастно, уважать свободу мнѣній и слова, итти на встрѣчу всякому добросовѣстному труду, всякому справедливому желанію, наконецъ энергически охранять честь учрежденія, которому великій его основатель завѣщалъ служить наукѣ въ пользу Россіи и русскаго народа—таковы были правила, которыя я всегда считалъ обязательными для каждаго изъ насъ.... Ваше гласное одобреніе, многоуважаемые товарищи, придаетъ мнѣ новыя силы для продолженія моей академической дѣятельности въ томъ же духѣ».

Съ тѣхъ поръ прошло ровно тридцать лѣтъ, но я могу и въ этотъ торжественный моментъ засвидѣтельствовать, что приведенными словами Яковъ Карловичъ Гротъ вѣрно охарактеризовалъ себя и свою дѣятельность. Онъ былъ человѣкъ гуманный, мягкій, миролюбивый, по всѣмъ вопросамъ касавшимся блага Россіи опиравшійся на свой умѣренно-консервативный складъ мыслей, но въ преслѣдованіи своихъ благородныхъ цѣлей стойкій и неуступчивый. Я думаю, что для него было большимъ утѣшеніемъ и удовлетвореніемъ, когда онъ подъ конецъ своей жизни, при нынѣшнемъ Августѣйшемъ Президентѣ, въ качествѣ вице-президента могъ содѣйствовать пересмотру штатовъ Императорской Академіи Наукъ, исполнившему его давнишнее желаніе, т. е. постановившему принципъ полнаго равноправія членовъ всѣхъ Отдѣленій Императорской Академіи Наукъ. Къ сожалѣнію ему не было суждено дождаться опубликованія новаго Высочайше утвержденнаго штата, послѣдовавшаго 1-го іюня 1893: онъ скончался нѣсколькими днями раньше, 24 мая того же года.

Предоставляя другимъ нарисовать полную картину научной, педагогической и общественной дѣятельности Якова Карловича, прибавлю еще нѣсколько словъ о дѣятельности его внутри Отдѣленія, на сколько я былъ ея свидѣтелемъ. Въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ Я. К. Гротъ заканчивалъ біографію Державина, былъ занятъ перепиской Екатерины II съ Гриммомъ, составлялъ статьи по исторіи русско-шведскихъ отношеній при Екатеринѣ II, приступилъ къ печатанію сочиненій Плетнева. Съ осени 1883 г. главный вопросъ, внесенный имъ въ засѣданія на обсужденіе Отдѣленія, касался русскаго правописанія. Всѣ члены Отдѣленія соглашались съ Яковомъ Карловичемъ въ томъ, что литературный языкъ теперь уже плавно двигается въ своемъ руслѣ, что рѣзкихъ перемѣнъ въ правописаніи его не нужно и не желательно, и что вниманіе слѣдуетъ сосредоточить лишь на тѣхъ явленіяхъ, гдѣ въ текущей литературѣ замѣтны еще нѣкоторыя колебанія. Такимъ образомъ Отдѣленіе могло надѣяться на успѣхъ, т. е. на сочувствіе школы и общества. Выходя изъ этого принципіальнаго согласія члены Отдѣленія въ громадномъ большинствѣ случаевъ одобряли практическія объясненія и положенія автора. Помнится, нѣкоторое разногласіе вызвало предлагаемое правописаніе двухъ словъ, гдѣ А. Ѳ. Бычковъ и я отстаивали старый способъ начертанія, который въ концѣ концовъ и одержалъ верхъ. Когда «Руководство» было напечатано (вышло же оно впервые въ Сборникѣ, т. XXXVI), авторъ его не прибѣгъ сразу къ авторитету Отдѣленія, чтобы по примѣру французской Академіи провозгласить sic volo sic iubeo, хотя министерство народнаго просвѣщенія согласилось ввести его руководство обязательнымъ для школъ; онъ предпочиталъ сначала прислушаться къ голосу практическихъ педагоговъ и людей школы, изъ числа которыхъ многіе отозвались то печатными, то письменными отзывами. Обо всемъ этомъ Яковъ Карловичъ докладывалъ въ засѣданіяхъ Отдѣленія, считая, какъ онъ самъ говорилъ, изложенныя въ его Руководствѣ правила не однимъ своимъ личнымъ дѣломъ, а также голосомъ Отдѣленія. Мало по малу накопилось такое

количество отзывовъ и замѣчаній по затронутому правописному вопросу, по большей части сочувственныхъ, но также заключавшихъ возраженія, что Яковъ Карловичъ, желая по возможности разъяснить недоумѣнія и убѣдить также своихъ критиковъ, порѣшилъ составить новую обширную записку по тому же вопросу; въ ней даны различныя объясненія, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ сдѣланы также уступки и измѣненія. И эта записка была по частямъ читана въ засѣданіяхъ Отдѣленія, именно весной 1886-го года; вышла же она потомъ въ печати въ XL-омъ томѣ Сборника. Результатомъ было то, что новое, пятое изданіе его Руководства заключало въ себѣ нѣкоторыя перемѣны въ смыслѣ упомянутой записки. Этотъ фактъ вызвалъ нѣкоторое недоумѣніе въ ученомъ комитетѣ министерства народнаго просвѣщенія, что̀ и заставило Якова Карловича обратиться къ министру народнаго просвѣщенія съ особымъ представленіемъ 28 октября 1886 г., которое онъ доложилъ въ засѣданіи Отдѣленія. Считаю не лишнимъ привести изъ него нѣкоторыя мѣста характерныя для образа мыслей Якова Карловича, въ доказательство его нерасположенія къ лишнему бюрократизму. Онъ пишетъ министру: «Когда вышло 1-ое изданіе «Русскаго правописанія» и министерство народнаго просвѣщенія предписало ввести это руководство — какъ обязательное для преподавателей во всѣхъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеніяхъ, Отдѣленію Русскаго языка и словесности всего легче было бы, пользуясь авторитетомъ Академіи Наукъ, признать свой трудъ безусловно покончennымъ и, выпуская въ томъ же видѣ одно изданіе за другимъ, почить какъ говорится на лаврахъ. Но Отдѣленіе не захотѣло поступить въ этомъ случаѣ по примѣру Французской академіи, отвергшей въ своемъ словарѣ всякое участіе школы и общества: Отдѣленіе, не увлекаясь высокомѣрною увѣренностью въ своей непогрѣшимости, пожелало на сколько можно улучшить свой трудъ при содѣйствіи знатоковъ русскаго языка и въ особенности преподавателей, къ которымъ и обратилось съ приглашеніемъ доставлять свои замѣчанія. Составитель Руководства

не убоялся трудовъ, которые по необходимости должны были сопровождать осуществленіе этой мысли. Получая вслѣдъ затѣмъ почти изъ всѣхъ учебныхъ округовъ разнаго рода предложенія и desiderata, онъ долженъ былъ внимательно ихъ просматривать, совѣщаться о нихъ со своими сочленами, принять также участіе въ преніяхъ педагогическихъ собраній и наконецъ, соображаясь съ высказанными мнѣніями, подготовлять измѣненія и дополненія въ составленномъ имъ Руководствѣ. Но такъ какъ первыя четыре изданія быстро слѣдовали одно за другимъ, то принято было за правило допускать въ нихъ лишь самыя незначительныя перемѣны. Когда же черезъ годъ съ небольшимъ послѣ перваго появленія книги, разошлось и 4-ое ея изданіе и можно было полагать, что всѣ существенныя замѣчанія о ней уже высказаны критикою, то признано было, что настало время свести всѣ полученныя сообщенія и по возможности воспользоваться ими. Вслѣдствіе сдѣланныхъ поэтому въ Руководствѣ измѣненій 5-ое изданіе его, въ сравненіи съ предыдущимъ, представляетъ болѣе отличій».

Объяснивъ такимъ образомъ причину отличій 5-го изданія, онъ возсталъ рѣшительно противъ высказанной въ ученомъ комитетѣ мысли и предложенія разослать Руководство къ извѣстнѣйшимъ изъ русскихъ филологовъ съ тѣмъ, чтобы ихъ отзывы разсмотрѣны были потомъ въ особой комиссіи. Яковъ Карловичъ очень убѣдительно доказывалъ нецѣлесообразность такого предложенія; у него вѣрно сказано, что правописаніе — дѣло условное, устанавливающееся не наукой только, а въ значительной мѣрѣ и обычаемъ. Отмѣнить то, что сдѣлано Академіею при вниманіи, оказанномъ ею къ предложеніямъ педагогическаго сословія, значило бы, по справедливому его замѣчанію, снова подымать вопросы уже рѣшенные; тутъ-то началась бы и настоящая ломка русскаго правописанія, которая бы могла совершенно запутать это дѣло и окончательно сбить съ толку какъ преподавателей, такъ и учащихся.

Смѣю прибавить, что практика жизни въ теченіе почти 30-ти лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ были высказаны эти мысли, вполнѣ

оправдала основные взгляды Я. К. на столь щекотливый во всякой литературѣ вопросъ, какъ правописаніе. Еще въ октябрѣ ($^{19}/_{31}$) 1888 г. онъ сообщилъ мнѣ съ особеннымъ удовольствіемъ, что и Буслаевъ въ новомъ изданіи своей учебной грамматики «между прочимъ принялъ безусловно всѣ наши орѳографическія правила, что очень важно для утвержденія нашего правописанія».

Еще одно предпріятіе задумано Яковомъ Карловичемъ въ теченіе тѣхъ лѣтъ, которыя совпали съ моимъ участіемъ въ Отдѣленіи: это былъ вопросъ о новомъ изданіи русскаго словаря. Но объ этомъ предметѣ я здѣсь не буду говорить, потому что при мнѣ шли только общія разсужденія.

Благодарная признательность за всѣ заслуги Я. К. по Отдѣленію заставляетъ меня вспомнить еще одинъ родъ его дѣятельности. Яковъ Карловичъ сосредоточивалъ въ себѣ всѣ обязанности Отдѣленія, какъ самостоятельной корпораціи не только по отношенію къ совокупной Академіи, но и по отношенію къ русскому обществу. Онъ охотно бралъ на себя такія задачи, какъ составленіе отчетовъ о дѣятельности Отдѣленія русскаго языка и словесности, или же отчетовъ о присужденіяхъ различныхъ премій; онъ же составлялъ и комиссіи по этимъ дѣламъ, отъ него же исходили проекты правилъ о новыхъ преміяхъ, какъ напр. Костомарова, Котляревскаго, о преміи Пушкинской, которая была особенно дорога ему, какъ и все что напоминало ему времена великаго поэта. Поэтому-то онъ и оставлялъ за собою право и обязанность составлять отчеты о присужденіяхъ Пушкинскихъ премій. Начиная съ перваго присужденія, состоявшагося въ 1882 году, и по 1892 годъ, когда былъ на очереди восьмой отчетъ, — всѣ они были имъ и составлены и прочтены. Когда же въ 1893 году замѣнившій его въ званіи предсѣдательствующаго Аѳ. Ѳ. Бычковъ приступилъ къ чтенію девятаго отчета, онъ почтилъ память недавно почившаго Якова Карловича, какъ главнаго виновника этого учрежденія, слѣдующими словами: «Я. К. Гротъ, несмотря на всѣ свои многочисленные и важные труды, находилъ возможнымъ принимать живое и

дѣятельное участіе въ присужденіи Пушкинскихъ премій; онъ считалъ это для себя дѣломъ особенно близкимъ и смотрѣлъ на него, какъ на обязанность, исполненіе которой какъ бы возложено было на него тѣмъ, въ честь котораго онѣ учреждены и къ памяти котораго онъ питалъ благоговѣніе. Намъ же членамъ Отдѣленія памятны какъ его сужденія о разсмотрѣнныхъ имъ сочиненіяхъ, полныя тонкаго эстетическаго вкуса, такъ и то удовольствіе, съ которымъ онъ встрѣчалъ каждое вновь появившееся дарованіе».

Осенью 1886 года прекратилось мое непосредственное участіе въ дѣятельности Отдѣленія и опять началась оживленная переписка съ несравненнымъ предсѣдательствующимъ, начиная съ 22 октября 1886 г. по 25 марта 1893 г. Я не имѣю права входить въ подробное изложеніе содержанія этой переписки, но достаточно будетъ сказать, что я узнавалъ черезъ нее о ходѣ какъ его собственныхъ работъ, такъ и занятій Отдѣленія, что мнѣ дѣлались извѣстными всѣ шаги, всѣ рѣшенія Отдѣленія; онъ далъ мнѣ въ продолженіе всѣхъ этихъ лѣтъ столь много доказательствъ сердечнаго благоволенія — какъ личнаго, такъ и со стороны Отдѣленія, что я съ глубочайшею благодарностью вспоминаю объ этомъ. Когда я его поздравилъ съ новой академической должностью вицепрезидента, онъ отвѣтилъ мнѣ въ письмѣ отъ 23 октября 1889 г.: «Отъ души благодарю Васъ за Ваше дорогое для меня привѣтствіе и поздравленія. Конечно я буду всѣми силами поддерживать настроеніе Великаго Князя въ пользу русской науки вообще и нашего Отдѣленія въ частности. Для Отдѣленія настала особенно благопріятная эпоха и надо надѣяться, что въ его положеніи произойдутъ желательныя улучшенія... Что до меня, то за одно могу ручаться: буду дѣйствовать постоянно и неуклонно въ духѣ правды, миролюбія и усердія къ пользамъ русско-славянской науки». Этими прекрасными словами, которыя онъ осуществлялъ на дѣлѣ до самой своей кончины, заканчиваю и я этотъ очеркъ въ память дорогого, незабвеннаго Якова Карловича Грота.

Изъ отрывочныхъ воспоминаній [1]).

А. Ѳ. Кони.

Воспоминанія о Яковѣ Карловичѣ Гротѣ переплетаются у меня съ памятью о вдовѣ его друга П. А. Плетнева, Александрѣ Васильевнѣ Плетневой. Каждый, кто зналъ эту милую и оригинальную русскую женщину, кому пришлось заглянуть въ ея душу, не можетъ не признать, что она являлась въ жизни Плетнева живымъ воплощеніемъ той «святой мечты», которою была исполнена, по словамъ Пушкинскаго посвященія ему «Евгенія Онѣгина», душа Плетнева. И въ ней, какъ въ ея мужѣ, было одновременное соединеніе «высокихъ думъ и простоты». Несмотря на разницу лѣтъ, она умѣла свести свою жизнь на самоотверженное служеніе облегченію недуговъ преклоннаго возраста своего мужа и на утѣшеніе его въ минуты тяжкихъ страданій, окончившихся его смертью въ Парижѣ въ 1865 году. Недаромъ онъ подарилъ ей передъ смертью золотой крестъ съ многозначительной надписью: «Я разскажу Богу, чѣмъ ты для меня была». По смерти мужа она не замкнулась «въ нѣмомъ бездѣйствіи печали», а настойчиво и обдуманно принялась за воспитаніе двухъ сыновей, вложивъ въ ихъ юношеское развитіе и заботу о первыхъ ихъ шагахъ въ жизни всю свою любящую душу. Но эти заботы не ограничили ея кругозора: не старѣя душевно, несмотря на сѣдину кудрей обрамлявшую ея выразительное, подвижное лицо съ живыми умными глазами, она

1) Этой теплой поминкой глубокоуважаемый А. Ѳ. Кони думалъ подѣлиться со слушателями на собраніи 16-го декабря. Но неотложныя занятія, къ сожалѣнію, помѣшали ему въ этомъ. Нынѣ онъ любезно предоставилъ редакціи Сборника этотъ отрывокъ своихъ воспоминаній.

жила всѣми интересами современности, далекая и отъ старческаго ворчанія и отъ безразличія апатіи. Глубоко русская во всѣхъ своихъ чувствахъ, повадкѣ и красивомъ, мѣткомъ словѣ— (она происходила изъ стариннаго рода князей Щетининыхъ) — она любила родину сознательной и страстной любовью, не скрывая однако отъ себя недостатковъ русскаго человѣка и нѣкоторыхъ порочныхъ сторонъ нашей общественности. Подобно простой русской женщинѣ, она «жалѣла» свой народъ, соединяя въ этомъ чувствѣ и нѣжную, подчасъ горделивую къ нему привязанность и скорбь о печальныхъ свойствахъ его безволія. Вмѣстѣ съ тѣмъ по разностороннему образованію, по тонкому эстетическому развитію и по глубокому сознанію чувства долга въ себѣ и уваженію его въ другихъ, она соединяла въ себѣ лучшія черты западно-европейскаго человѣка. Непреклонная въ убѣжденіяхъ, мягкая и снисходительная въ личныхъ отношеніяхъ, безобидно-остроумная, она способна была возмущаться всякой неправдой, которая ея лично и не касалась. «Меня поражаетъ, говорила она предъ концомъ своей долгой жизни, въ первые годы нынѣшняго столѣтія, — среди всего окружающаго упадокъ у насъ чувства негодованія. Это страшный признакъ, не обѣщающій ничего хорошаго въ будущемъ». Друзья ея мужа всю жизнь оставались и ея друзьями. Вращаясь между ними, она какъ бы являлась представительницею своего покойнаго мужа. У нея бывали и радостно ее встрѣчали у себя люди, чтившіе память П. А. Плетнева, и она платила имъ пріязнью, стоявшею внѣ сомнѣній и испытаній. Къ кругу ея близкихъ принадлежали братья К. К. и Я. К. Гроты, М. М. Стасюлевичъ и другіе люди позднѣйшаго поколѣнія. Къ ней былъ тепло привязанъ и поэтъ Ѳедоръ Ивановичъ Тютчевъ. Въ его письмахъ къ ней сквозитъ даже то, что Французы называютъ «une amitié amoureuse».

Якова Карловича Грота связывали съ Плетневымъ не только общность взглядовъ и литературныхъ вкусовъ, любовь къ русскому языку и пониманіе его красотъ, но и многолѣтній дружескій обмѣнъ мнѣній. Это особенно ярко выразилось въ ихъ перепискѣ,

служащей драгоцѣннымъ памятникомъ литературныхъ мнѣній двухъ выдающихся людей на поприщѣ русской словесности. Оба они рисуются во весь ростъ своего духовнаго развитія: прямолинейный, упорный въ отстаиваніи своихъ убѣжденій, зоркій, вдумчивый и замкнутый въ себѣ Плетневъ и рядомъ съ нимъ впечатлительный, сердечный, откровенный и способный увлекаться Гротъ. Нерѣдкое разногласіе между ними, вытекавшее изъ личныхъ свойствъ каждаго, не только не охлаждало ихъ отношеній, но, прямодушно выраженное, лишь увеличивало ихъ взаимное другъ къ другу уваженіе и довѣріе. И такъ продолжалось долгіе годы. И много лѣтъ по смерти Плетнева тепло писалъ о немъ и прочувствованно говорилъ на академическихъ публичныхъ поминкахъ Яковъ Карловичъ. Для него Александра Васильевна Плетнева была неразрывной частью его покойнаго друга. Въ ея сужденіяхъ и воспоминаніяхъ ему слышался голосъ и чувствовалось вліяніе того, съ кѣмъ онъ такъ долго былъ умственно связанъ. Ей любилъ онъ приносить свои печатные труды, ей приходилъ повѣдать о своихъ служебныхъ и житейскихъ радостяхъ и скорбяхъ, ей раньше всѣхъ другихъ знакомыхъ принесъ онъ копію своего чудеснаго по мысли и формѣ стихотворенія, написаннаго въ альбомъ безвременно угасшаго Наслѣдника Престола. На малѣйшій ея зовъ являлся онъ съ практическимъ совѣтомъ, нравственнымъ ободреніемъ или задушевной бесѣдой.

У Плетневой я познакомился съ Яковомъ Карловичемъ въ 1879 году. Мнѣ не приходилось его до этого встрѣчать у его брата Константина Карловича — выдающагося государственнаго и общественнаго дѣятеля въ царствованіе Царя-Освободителя,— съ которымъ мнѣ суждено было работать вмѣстѣ въ Совѣтѣ учрежденій великой княгини Елены Павловны. Конечно, заочно я былъ уже знакомъ съ Яковомъ Карловичемъ не только по воспоминаніямъ моего отца, съ которымъ они вмѣстѣ, въ началѣ сороковыхъ годовъ, занимались литературнымъ трудомъ въ Гельсингфорсѣ (отецъ печаталъ тамъ педагогическую книгу «Живо-

писный міръ» и переводилъ въ стихахъ со шведскаго мѣстныя легенды), не только по превосходнымъ статьямъ, касающимся Екатерины Великой, но и по великолѣпному во всѣхъ отношеніяхъ, академическому изданію, подъ его редакціей,—съ массой интереснѣйшихъ комментарій,—сочиненій Державина. Ближе узналъ я Якова Карловича въ Москвѣ въ 1880 году въ незабвенные дни торжествъ по поводу открытія памятника Пушкину. Я описалъ эти дни подробно въ моихъ литературныхъ воспоминаніяхъ о Тургеневѣ и Достоевскомъ («На жизненномъ пути», томъ II). Видную роль въ нихъ игралъ Яковъ Карловичъ. Его настойчивости и неустанному труду обязаны были Россія и въ частности Москва достойнымъ увѣковѣченіемъ памяти великаго поэта. Въ качествѣ члена комиссіи по сооруженію памятника онъ сказалъ наканунѣ его открытія, при пріемѣ депутацій въ городской думѣ, большую рѣчь съ изложеніемъ всѣхъ перипетій этого дѣла. Въ ней онъ указалъ всѣ работы, хлопоты и упованія, въ него вложенныя, благодаря которымъ А. Н. Островскій, на торжественномъ обѣдѣ, могъ съ горделивой радостью провозгласить отъ лица литературы: «сегодня *на нашей улицѣ* праздникъ». Обычно сдержанный и скромный, Яковъ Карловичъ въ эти дни преобразился: у него, въ душѣ стараго лицеиста и благоговѣйнаго поклонника Пушкина, былъ тоже праздникъ, праздникъ сознанія исполненнаго предъ родиной долга, осуществлявшагося съ величавой гармоніей. Съ этихъ поръ мы довольно часто встрѣчались у Плетневой, и я очень цѣнилъ эти встрѣчи, дорожа случаемъ и возможностью видѣть этого заслуженнаго ученаго и писателя, въ старѣющемъ тѣлѣ котораго жила отзывчивая и молодая душа, отражавшаяся въ его исполненномъ живости взорѣ.

Внукъ лютеранскаго пастора, онъ сердцемъ ощущалъ, понималъ и горячо любилъ Россію и чудесный богатый языкъ ея народа. И я помню, съ какимъ увлеченіемъ онъ говорилъ о предпринятомъ Академіей подъ его редакціей изданіи словаря русскаго языка, къ сотрудничеству въ которомъ сдѣлалъ мнѣ честь привлечь и меня.

Разговоры наши часто сводились къ Пушкину, о которомъ онъ говорилъ съ умиленіемъ и съ неостывающимъ интересомъ, что и выразилось въ его прекрасной книгѣ: «Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники», изданной черезъ семь лѣтъ послѣ открытія памятника въ Москвѣ.

Я былъ ему обязанъ нѣкоторыми изъ положеній, развитыхъ мною впослѣдствіи въ 1899 году въ произнесенной въ Академіи Наукъ рѣчи о великомъ поэтѣ въ день столѣтія его рожденія, и мнѣ грустно было не видѣть въ этотъ день среди собравшихся Якова Карловича, уже почившаго отъ трудовъ своихъ за шесть лѣтъ передъ этимъ.

Бесѣда съ нимъ бывала весьма поучительна. О чемъ бы ни приходилось говорить, въ его словахъ слышался большой житейскій опытъ, который не принесъ ему однако ни малодушныхъ разочарованій, ни свойственнаго старости сураваго отношенія къ новымъ явленіямъ и проявленіямъ общественной жизни. Подобно любимому поэту, онъ могъ сказать: «и пусть у гробового входа младая будетъ жизнь играть»...

Этотъ привѣтъ молодой жизни, какъ послѣднее слово земной оболочки Якова Карловича, игралъ на его губахъ, когда онъ лежалъ въ гробу. Подойдя къ послѣднему, я былъ пораженъ тѣмъ выраженіемъ тихаго счастья на лицѣ усопшаго, казалось радостно встрѣтившаго заслуженный отдыхъ съ сознаніемъ свято исполненнаго долга на нивѣ родного просвѣщенія.

Дополненія.

Привѣтствія, полученныя ко дню 15 декабря.

Его Императорское Высочество, Августѣйшій Президентъ Императорской Академіи Наукъ Великій Князь Константинъ Константиновичъ, пребывавшій въ это время въ Египтѣ, почтилъ къ юбилейному дню дѣтей покойнаго академика письменнымъ привѣтствіемъ: «....Хочется сказать вамъ, пишетъ Великій Князь, что 15 декабря, въ столѣтіе со дня рожденія незабвеннаго и нѣжно мною цѣнимаго Якова Карловича, мысли мои будутъ съ вами. Отъ души желаю, чтобы академическое поминаніе удалось успѣшно. Такого же успѣха желаю и вашей работѣ надъ матеріалами для біографіи дорогого вашего родителя... Мнѣ весьма прискорбно, что въ день знаменательной годовщины я вынужденъ быть такъ далеко...»[1]). Столь же тепло Великій Князь высказался и въ письмѣ къ дочери Я. К. — Натальѣ Яковлевнѣ: «Судьба лишила меня утѣшенія, пишетъ ей между прочимъ Его Императорское Высочество, присутствовать въ этотъ день на засѣданіи въ Академіи Наукъ, которая столькимъ обязана своему незабвенному Вицепрезиденту».

---

1) Письмо къ К. Я. Гроту отъ 6 декабря (помѣч. Helouan, «Al Hayat»).

На имя Отдѣленія русскаго языка и словесности адресованы были слѣдующія телеграммы:

Отъ ректора Императорскаго Александровскаго Университета (въ Гельсингфорсѣ) А. С. Доннера:

Императорскій Александровскій Университетъ въ Финляндіи, узнавъ о предстоящемъ завтра празднованіи Отдѣленіемъ русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ столѣтія дня рожденія Якова Карловича Грота и вспоминая съ благодарностію двадцатилѣтнюю славную дѣятельность Якова Карловича въ качествѣ профессора нашего университета, проситъ Отдѣленіе принять привѣтствіе по случаю знаменательнаго празднества. *Доннеръ.*

Отъ редактора Филологическихъ Записокъ Ф. Ильинскаго:

Редакція Филологическихъ Записокъ съ живѣйшимъ сочувствіемъ присоединяется къ чествованію памяти Якова Карловича Грота, по случаю исполнившагося столѣтія со дня его рожденія. Редакторъ *Ф. Ильинскій.*

Отъ профессора Т. Д. Флоринскаго изъ Кіева:

Душой участвую въ чествованіи памяти незабвеннаго Якова Карловича Грота. Профессоръ *Флоринскій.*

Отъ библіографа С. И. Пономарева:

Почтительно вспоминаю многополезную дѣятельность академика Якова Карловича; благодарно чту сердечнаго человѣка. *Пономаревъ.*

Отъ предсѣдателя Московскаго Историко-Родословнаго Общества Л. М. Савелова:

Мысленно присоединяюсь къ чествованію достойной памяти Якова Карловича, этого блестящаго представителя русской науки; вѣчная ему память. Предсѣдатель Историко-Родословнаго Общества *Савеловъ.*

Отъ Общества Исторіи Литературы въ Москвѣ:

Общество Исторіи Литературы въ Москвѣ въ столѣтнюю годовщину рожденія Якова Карловича Грота проситъ Отдѣленіе русскаго языка и словесности присоединить къ общему и его благодарныя воспоминанія о заслуженномъ дѣятелѣ русской науки. Предсѣдатель профессоръ *Сперанскій*. Секретарь *Ржига*.

На имя профессора К. Я. Грота были получены слѣдующія телеграммы:

Отъ академика В. И. Ламанскаго:

Всей душой присоединяюсь къ чествованію Вашего славнаго отца и шлю мой сердечный привѣтъ Вамъ и Вашей семьѣ. *Ламанскій.*

Отъ предсѣдателя Славянскаго Благотворительнаго Общества генерала П. Д. Паренсона:

Весьма опечаленъ невозможностью воспользоваться любезнымъ приглашеніемъ Академіи Наукъ пріѣхать сегодня на торжественное чествованіе памяти Вашего отца. Прошу принять мое глубокое сочувствіе, уваженіе и искренній привѣтъ. *Петръ Паренсонъ.*

Отъ финляндскаго писателя, переводчика переписки Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ, В. Э. Грундстрема:

Прошу принять привѣтствіе по случаю столѣтія рожденія Вашего отца, много и успѣшно трудившагося и оставившаго добрую память также у насъ въ Финляндіи. *Грундстремъ.*

Отъ профессора В. А. Францева изъ Варшавы:

Благоговѣйно присоединяюсь къ чествованію памяти Якова Карловича; душой раздѣляю Ваши чувства. *Францевъ.*

Отъ секретаря Совѣта Императорскаго Александровскаго Лицея, А. А. Рубца:

Въ день столѣтія рожденія незабвеннаго Вашего батюшки позвольте мнѣ, какъ одному изъ членовъ единой Лицейской семьи, и почитателю его памяти, выразить Вамъ — сыну его чувства моего глубокаго преклоненія предъ мощью и разнообразіемъ его таланта и предъ неутомимостью его трудовъ. Хочется вѣрить, что свѣтлый образъ его не умретъ въ сердцахъ русскихъ людей, а въ особенности среди лицеистовъ, которые, глядя на него, должны учиться, какъ нужно жить и работать на благо родной земли. *Александръ Рубецъ.*

Отъ М. Н. Пальчиковой (дочери лицеиста XII-го курса, Н. В. Пальчикова):

Привѣтствую Васъ и всю семью въ знаменательную годовщину дня рожденія Якова Карловича. Горячо вѣрю, что свѣтлая память незабвеннаго учителя и высокій примѣръ безкорыстнаго служенія чистой наукѣ на славу родного языка будутъ всегда служить руководящимъ началомъ подрастающимъ поколѣніямъ. *Пальчикова.*

Кромѣ того тепло отозвались по случаю чествованія памяти Я. К. Грота слѣдующія лица, почти всѣ не имѣвшіе возможности по разнымъ причинамъ присутствовать на академическомъ торжествѣ:

Графъ С. Д. Шереметьевъ, одинъ изъ старѣйшихъ лицеистовъ и слушателей Я. К. — членъ Государственнаго Совѣта Д. Ѳ. Кобеко, членъ Государственнаго Совѣта М. Н. Галкинъ-Врасскій, баронъ Ѳ. Р. Остенъ-Сакенъ, К. А. Губастовъ, ген. М. М. Бородкинъ, Г. Э. Зенгеръ, графъ Я. Н. Ростовцовъ, Б. К. Ордынъ, И. А. Бычковъ, профессора О. А. Шеборъ (изъ Праги), П. А. Кулаковскій, И. П. Филевичъ, П. А. Шляпкинъ, П. А. Зиловъ, В. П. Бузескулъ, нашъ посланникъ въ Цетиньѣ А. А. Гирсъ, секретарь Императорской Академіи Художествъ

В. П. Лобойковъ, А. П. Плетневъ, ген. отъ инфан. И. В. Богаевскій, ученая славистка (голландка) А. А. Круазе ванъ-деръ Копъ, протоіерей Е. В. Соловьевъ (изъ Кобурга), А. И. Корнилова и многіе другіе.

Бывшій сельскій учитель Бѣлозерскаго уѣзда Новогородской губерніи Павелъ Вересовъ, пользовавшійся съ 1879 г. до самой кончины Я. К. Грота его благоволящимъ вниманіемъ и покровительствомъ — Я. К. когда-то издалъ даже сборничекъ его стиховъ—прислалъ при письмѣ по случаю 100-лѣтія рожденія академика на имя Предсѣдателя Отдѣленія русскаго языка и словесности свое стихотвореніе, написанное на этотъ случай, оканчивающееся такой строфой:

«Для насъ священно съ нимъ знакомство, —
Передадимъ изъ рода въ родъ
И въ отдаленное потомство
Святое имя Яковъ Гротъ!»

Наконецъ по случаю чествованія памяти Я. К. Грота, въ Отдѣленіе былъ присланъ въ даръ г. Предсѣдателемъ главнаго управленія по дѣламъ печати Финляндіи Вл. Каншиненъ случайно найденный въ Кексгольмской библіотекѣ оригиналъ-автографъ статьи Я. К. Грота о Екатеринѣ II и Густавѣ III.

Отклики печати.

Русская и славянская печать съ большимъ сочувствіемъ отозвалась по поводу чествованія Императорской Академіей Наукъ 100-лѣтія со дня рожденія академика Я. К. Грота и отмѣтила это событіе рядомъ статей, замѣтокъ и характеристикъ.

Мы упомянемъ здѣсь лишь наиболѣе значительныя изъ нихъ, появившіяся какъ въ нашихъ столичныхъ и провинціальныхъ, такъ и въ славянскихъ и затѣмъ финляндскихъ органахъ печати.

«Новое Время» 15 декабря 1912, № 13206 (статья Н. Энгельгардта «Памяти русскаго грамматика») и Приложеніе (портретъ), «Вечернее время» 15 декабря «100-лѣтіе Я. К. Грота» (съ портретомъ).

«С.-Петербургскіе Вѣдомости», 6 декабря № 275: Къ предстоящему чествованію памяти Я. К. Грота, ст. А. С.-Т.-Ш. (см. еще «Письмо въ редакцію», тамъ же въ № 8-го декабря).

«Правительственный Вѣстникъ», 16 декабря № 75. (Замѣтка г. В. К. по поводу юбилея и изданныхъ К. Я. Гротомъ «Матеріаловъ для жизнеописанія академика Я. К. Грота»).

Откликнулись и очень многіе провинціальные органы, не говоря о Московскихъ, Кіевскіе, Одесскіе, Варшавскіе и др. Заслуживаетъ упоминанія большая и обстоятельная статья въ газетѣ «Варшавская мысль» (15 декабря 1912, № 173) за подписью А. Ф. «Академикъ Я. К. Гротъ. Къ столѣтію со дня его рожденія», а также теплая замѣтка (г. П.) въ «Одесскомъ Листкѣ» 15 декабря № 270.

Были статьи и въ журналахъ; между ними должны быть отмѣчены статьи въ «Филологическихъ Запискахъ», кн. IV, въ «Историческомъ Вѣстникѣ» 1913, Февраль, стр. 717, «Русскомъ Филологическомъ Вѣстникѣ» 1913, № 1, стр. 227, «Русской Старинѣ» 1913, № 2 (объ изданныхъ къ юбилею біографическихъ «Матеріалахъ») и другія.

Многіе славянскіе органы печати посвятили также статьи и замѣтки 100-лѣтней памяти Я. К. Грота. Изъ Чешскихъ напримѣръ, кромѣ Пражскихъ газетъ («Národní Listy», 9 января 1913 «Памяти воспитателя царя Александра III»), отмѣтили юбилей иллюстрированный журналъ «Český Svět» (Leden 1), помѣстившій прекрасный портретъ покойнаго академика, затѣмъ хорватскій иллюстрированный журналъ «Savremenik» 1913, № 2 (прекрасная статья г. Р. Т.), и прочіе.

Наконецъ тепло отозвались и многіе органы Финляндской печати, что̀ понятно, такъ какъ имя Я. К. Грота, посвятившаго этому краю и его просвѣщенію лучшіе годы своей жизни, продолжаетъ и нынѣ пользоваться тамъ и уваженіемъ и популярностью. Статьи и замѣтки памяти Я. К. появились въ газетахъ: «Hufvudstadsbladet» 28 декабря («Ett hundraårsminne»), «Dagens Tidning», 29 декабря № 355, Финская газета «Helsingin Sawomat», 28 декабря (№ 300), а также въ иллюстрированномъ еженедѣльникѣ «Tiden» 1913 № 1 (съ портретомъ) и другихъ.